

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

НОЧЬ
С КАМЕННЫМ
ГОСТЕМ

Антон Леонтьев

Ночь с Каменным Гостем

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=431722

Леонтьев А.В. Ночь с Каменным Гостем: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-15655-0

Аннотация

Когда радиоведущей Дане в прямом эфире позвонил маньяк и пообещал, что она станет его жертвой, девушка сочла это дурной шуткой. Но после того, как в новостях сообщили о первом убийстве, ей стало не до смеха. Маньяк объявил себя восставшим из ада Вулком Сердцеедом, который убивал проституток в двадцатые годы прошлого века и остался непойманным... В 1922 году княжна Зинаида Валуйская сбежала прямо из-под венца и устроилась репортершей в газете светских сплетен. Убийца, называвший себя Вулком Сердцеедом, начал присылать ей письма с подробными рассказами о своих преступлениях. Репортажи Зинаиды обрывались туманными намеками... Дана поняла: чтобы найти угрожающего ей преступника, надо вычислить, кем был его предшественник...

Содержание

1 ноября 1923 года	4
Дана	22
Дана	74
Инспектор Кранах	114
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Антон Валерьевич Леонтьев

Ночь с Каменным Гостем

«Из ада.

Г-н Ласк, сэр. Я посылаю вам половину почки. Этот орган – для Вас, я извлек его из женичины, жарил и ел. Было прелестно. Могу прислать Вам кровавый нож, которым извлек почку. Поймите меня, если сможете.

Джек Потрошитель»

(Из письма Джека Потрошителя, посланного 16 октября 1888 года мистеру Джорджу Ласку, руководителю гражданской самообороны Ист-Энда; к письму была приложена половина почки, которую Потрошитель извлек из тела Кейтрин Эддоус, убитой им в ночь на 30 сентября 1888 года)

1 ноября 1923 года

Туман, клубясь, наползал на город. Первые часы ноября в Экаресте выдались на удивление теплыми, хотя в последнюю неделю октября выпал снег и столбик термометра ушел далеко вниз.

Ночь была беззвездная; столица королевства спала. Но не для всех темное время суток означало покой и забвение. Для

обитателей злочных кварталов Экареста, что раскинулись на левой стороне реки, между мостом Святого Мирослава и старым королевским дворцом, кипела жизнь.

Ночь в этом месте вызвала к жизни самые зловещие человеческие пороки; ночь потворствовала греху, она приносила прибыль преступникам и становилась свидетельницей бесчисленных злодеяний. Ночь преображала город, срывая с него золоченую красивую маску, за которой щерился ужасный лик похоти и сребролюбия.

За годы, прошедшие со времени окончания Мировой войны, Экарест преобразился: старые уродливые постройки исчезли, город прорезали широкие, по-парижски эlegantные проспекты. Некогда захолустные районы превратились в заводские и фабричные центры, велись разговоры о том, чтобы к началу нового десятилетия пустить

первую ветку экарестского метрополитена, достойного собрата лондонской подземки.

Прогресс шествовал по столице, даруя не только радость и уверенность в завтрашнем дне, но и горе, страдания и отчаяние.

Так было и в квартале красных фонарей, который именовался в газетах и среди столичных жителей не иначе как новомодным, заимствованным из лексикона Британской империи словечком *Ист-Энд*. Днем он был непригляден – грязные мостовые, кособокие домишки, беспробудные пьяницы, нищие иммигранты, презиаемые всеми иудеи, бездомные

собаки. Ночь все меняла. Как только солнце закатывалось за далекие горы, улицы Ист-Энда заполнялись странными представителями рода человеческого.

Были там и шлюхи, в основном несчастные крестьянские дочери, привлеченные в столицу фантастическими рассказами о небывалых заработках и мужьях-банкирах. Все они ехали в Экарест с твердым намерением найти место в почтенном доме, а затем отыскать и солидного жениха. Никогда – или почти никогда – эти мечты не воплощались в действительность.

Девушки без особых проблем находили места горничных, посудомоек, экономок или служанок. Но эта работа не приносила им много денег. И ни одна из них так и не вышла замуж за хозяйского сына – преуспевающего адвоката или модного врача.

Когда девушек выбрасывали на улицу, что случалось регулярно (хозяйка могла проснуться в плохом расположении духа, или сама девушка попала с поличным при попытке украсть драгоценности, или назойливый дворецкий, натиску которого несчастная не желала уступать, наговаривал о ней небылиц господам), ни одна из них не желала возвращаться обратно – в деревню к многочисленным братьям, сестрам и бедным родителям.

Все, кто потерпел в жизни поражение, у кого не было работы, но имелась огромная нужда в деньгах, рано или поздно оказывались в Ист-Энде. Каждый находил там то, что искал.

В течение нескольких недель богобоязненные девушки превращались в наглых и разнузданных особ, которые продавали тело за несколько золотых.

В Ист-Энде можно было найти не только проституток. Там скупалось краденое, заключались грязные сделки, нанимались убийцы и головорезы, работали опиумные салоны и тайные притоны, в которых происходили ужасные дела.

После того как тьма заполняла город, зажигались тусклые газовые фонари и на улицах появлялись ряженные в давно не модные, но пестрые одеяния дамы, на сцену выходили они – господа в неприметных, но дорогих костюмах и плащах, с котелками или цилиндрами на головах и зонтиками в руках. Господа по большей части приезжали на извозчиках из «благородной» части Экареста. Наверняка следующим утром, завтракая с супругой и детьми, эти мужчины вяло просматривали газеты, попивали кофе и выражали свое недовольство желанием правительства поднять налог на недвижимость. Они были воплощением благопристойности и приверженности семейным ценностям. По воскресеньям они, как добрые христиане, посещали церковь, с понедельника по пятницу работали в конторах или банках, а по субботам...

По субботам многие из этих столпов общества, счастливых супругов и строгих отцов наведывались в Ист-Энд. Они знали, что за несколько золотых монет они могут здесь получить то, о чем им в присутствии своих жен даже думать

запрещалось.

Для этого и существовал Ист-Энд. Тот, кто платил наличными, был вправе рассчитывать на удовлетворение любого желания, каким бы извращенным оно ни было. Ночь в Экаресте позволяла людям становиться самими собой. Иногда получалось, что человеческая личина скрывает дикого и безумного зверя.

Туман заполнял улочки Ист-Энда, как белесое желе. Он глушил гортанный глупый смех, пьяные вопли, сладострастные стоны и отчаянные крики о помощи. В Ист-Энде довольно часто звали на помощь – и очень редко кто-нибудь откликнулся на этот зов. Все знали, что утром полицейские, которые по ночам без большой охоты совершают рейд по Ист-Энду, найдут пару-тройку трупов, возможно, выловят еще нескольких бедолаг с перерезанным горлом или сломанной шеей из реки.

Большей частью это были жертвы собственной тяги к ночным приключениям: туго набитые кошельки привлекали внимание юрких карманников, глазастых мошенников и беспощадных убийц. С жертвами не церемонились – у них не только отбирали ценности и одежду, но и лишали жизни. Натренированное движение рукой с лезвием – и отец семейства, хрипя и напрасно стараясь заткнуть ладонью фонтанирующую кровью рану на шее или в боку, валился на заплыванный тротуар.

Но зачастую жертвами становились девицы или молодые

люди, которые торговали своим телом. Никто не скорбел по поводу их смерти; несчастных, в отличие от ограбленных и прирезанных буржуа, не отпевали в церкви, а в газетах не появлялись насквозь лживые некрологи-панегирики в жирных черных рамках, около их гробов не рыдали безутешные вдовы и пяток-другой детишек.

Их хоронили в общей могиле на задворках столицы, и даже не в гробах, а в холщовых мешках, которые небрежно швыряли на дно неглубокого рва и обильно посыпали негашеной известью. Родители так никогда и не узнавали, что произошло с их дочерью или сыном, напрасно ждали своих детей год за годом, тщетно молились, втайне рассчитывая на то, что чадо преуспело в жизни, гоня от себя горькие мысли о том, что приключилось нечто ужасное, не зная и зная не желая, что кости тех, кого они все еще по инерции продолжали любить, давно рассыпались в прах на одном из бедняцких кладбищ Экареста.

Туман глушил все звуки, и тот, кто выбрал такую ночь для преступления, сделал великолепный выбор.

...Карета медленно катила по улочкам Ист-Энда. Ею управлял одетый во все черное кучер, в руках у него был зажат большой хлыст. Человек, находившийся в салоне, жадно рассматривал женщин и девиц, которые, подобно мотылькам, кучковались около фонарей, посылали господам воздушные поцелуи, громогласно ссорились, кричали или безрадостно молчали, дожидаясь, пока, наконец, кто-нибудь из

клиентов поманит их к себе. Окошко было изнутри скрыто муаровой занавеской, и это позволяло пассажиру безбоязненно рассматривать улицу и тварей, ее заполнявших, не опасаясь, что кто-то увидит его самого.

Те особы, что попадались ему на глаза, не подходили для того, что было задумано. Вдруг он вздрогнул. Неужели... Да, да, это то самое, что ему нужно! Он легко ударил по стенке – кучер немедленно натянул поводья. Карета остановилась.

Девушка, которая привлекла его внимание, отличалась от своих товарок: она была красивее, нежнее и... невиннее. На вид ей не дашь больше шестнадцати. Девушка встрепенулась и с тоской посмотрела на черную карету, которая затормозила перед ней.

Она видела, как рука, затянутая черной перчаткой, откинула занавеску. Девушка опустила глаза. Как она хороша, пронеслось в голове у того, кто находился в карете. Чистая белая кожа, темно-рыжие выющиеся тициановские волосы, и глаза... Глаза цвета фиалок. Фиалки – его любимые цветы...

Он распахнул дверцу кареты и в то же время прикрыл лицо рукой – если задуманное им не получится, девица не должна запомнить его лица. Но он был уверен, что все пройдет как нельзя лучше. О да!

Девушка отметила богатый наряд мужчины – черный плащ, подбитый алым шелком, модный цилиндр и старинный перстень, украшавший безымянный палец руки, которой он прикрывал лицо. Она знала, что многие из господ ис-

пытаются неловкость, в особенности те, что посещают Ист-Энд первый раз. И этот, судя по всему, один из таких. Она продавала себя всего около полугода, но тем не менее успела изучить клиентов. Ни этой кареты, ни этого господина она прежде не видела. Впрочем, в Ист-Энде не менее пяти сотен шлюх, на каждую из них приходится по дюжине клиентов. Всех запомнить невозможно!

Перстень сверкал и лучился в зыбком фонарном свете. Как замороженная, девушка произнесла, пожирая взором треугольный камень в платиновой оправе:

– Это что, сапфир?

Мужчина в карете ощутил что-то наподобие страха. Но нет, все пройдет так, как задумано! Он сделает это! Потому что это – единственная возможность получить все!

– Синий бриллиант, – ответил он и убрал руку, скрывавшую его лицо. Девушка с удовлетворением отметила, что клиент не стар и даже привлекателен. И что такой красавчик делает в Ист-Энде? По большей части господа, которые по ночам посещают эту часть Экареста, пузаты, дряхлы и обладают скверным дыханием.

– А я думала, что бриллианты всегда белые, – сказала девушка и улыбнулась. Пассажир кареты вздрогнул – у нее не хватало нескольких зубов. Ему сделалось плохо, очарование исчезло, девица стала ему неприятна. Все фальшиво, все здесь фальшиво! И как ужасны ужимки и повадки «настоящей барышни»!

Он резко захлопнул дверь, кучер огрел лошадей хлыстом. Девушка, глядя вслед карете, разразилась площадной бранью. Только подумать, ее лишили заработка! Она и не знала, что ее улыбка спасла ей жизнь.

Почти час спустя, когда по Ист-Энду разнеслись два удара с колокольни церкви Святой Игнашки, он нашел то, что искал.

Девушка сидела на тротуаре под фонарем, и искусственный свет золотил ее волосы. Заслышав цокот копыт, она подняла голову и улыбнулась – на этот раз все зубы были на месте. Она оказалась старше, чем та, на которую пал его выбор вначале, но это не так важно.

– Что, милый, хочешь немного повеселиться? – спросила шлюха, когда дверца кареты распахнулась. – О, а что это у тебя такое? Никак сапфир?

– Синий бриллиант, – повторил пассажир. – Один из самых ценных камней на свете.

– И сколько такой стоит? – девушка захихикала.

– Это – семейная реликвия, – раздалось в ответ.

Девушке было около двадцати пяти. Нездоровый образ жизни оставил разрушительные следы на ее лице, которые она, однако, пыталась скрыть при помощи дешевой косметики.

Он взял ее за подбородок и посмотрел в глаза. На мгновение девушке сделалось не по себе. Но разве она может ожидать чего-то плохого от столь приятного господина?

– Ну что, милый, пойдем, – она потянула его за руку.

Пассажир в нерешительности остановился.

– Не беспокойся, я знаю свое дело, – по-своему истолковав его реакцию, заверила его девица. – Но только деньги вперед!

Мужчина протянул девице несколько ассигнаций, та жадно спрятала их под подол.

– А ты щедрый, милый, – заявила шлюха. – Учти, я помню доброту! У меня здесь неподалеку комнатка, где мы можем повеселиться без проблем. Нас никто не потревожит! Ты не пожалеешь!

Пассажир шагнул на тротуар. Багрянцем полыхнула подкладка плаща. В руках у него был небольшой кожаный саквояж, очень похожий на те, с которыми ходят доктора.

– А ты что, врач, милый? – спросила девица и потянула клиента за собой. – Впрочем, мне все равно! Я научу тебя кое-каким штучкам, о которых даже не все врачи имеют представление!

Они обогнули ветхий дом, навстречу им попалась женщина в рваном грязном платье и нелепой шляпке с цветочками. В руках она зажала бутылку.

– О, подцепила себе друга? А вот меня никто уже не хочет, черт побери!

Пассажир прикрыл лицо рукой, не желая, чтобы пьянчужка увидела его. Но та даже и не смотрела на него и, шаркая мимо, вела беседу сама с собой.

– Это Боянка, не понимает, что ее время прошло, и пьет как лошадь, – щебетала девица. – Ну, вот мы и пришли! Сейчас я достану ключ...

Они завернули в проулок, оказались около деревянной двери. Девица распахнула ее, продолжая болтать.

– Теперь я зажгу лампу, милый, и мы можем приступать.

В комнате пахло чем-то кисло-пыльным: давно не стиранным бельем, испорченной едой, мышиным пометом, а также нищетой и беспросветностью. Пассажир следил за тем, как девица суетится в поисках лампы, по столу ползали ленивые тараканы, наконец вспыхнул огонек.

Кокетливо улыбаясь, девица прижалась к клиенту и представилась:

– Я – Тодора. А как тебя зовут?

– Меня? – глухим голосом, явно не готовый к такому вопросу, повторил гость.

– Тебя, тебя, милый, – девица принялась ощупывать его самым неприличным образом. – Мы ведь тут одни, никого больше нет, дорогой!

– В... В... Вулк, – запинаясь, ответил пришелец.

Девица хмыкнула:

– Вулк, да поставь ты свой саквояж!

Гость так и сделал. Он незаметно достал оттуда хирургический скальпель.

– Ну раздевайся, Вулк! – щебетала Тодора, скидывая платье. Она сидела на продавленной кровати, застеленной серой

с разводами простыней.

Вулк подошел к Тодоре. Девушка заулыбалась и изогнулась в соблазнительной позе.

– Делай со мной все, что захочешь, Вулк! Я – полностью твоя!

– Ты уверена? – с насмешкой произнес гость и расстегнул плащ.

Тот с тихим шелестом соскользнул на дощатый пол. Взметнулась рука, сверкнули синий бриллиант перстня и остро заточенное лезвие скальпеля, гладкая поверхность которого отразила ничего не понимающее лицо проститутки Тодоры.

Вулк зажал рот отчаянно сопротивляющейся девушки и прошептал:

– Ты права, ты станешь моей навсегда!

Как и предписывает служба, городовые Исихий и Симеон совершали утренний обход Ист-Энда. Они занимались этим триста шестьдесят пять дней в году, при любой погоде, вот уже почти десять лет.

– Ночка была спокойная, – рассуждал вслух Исихий. – Всего два мертвяка, да и то не грабеж или насилие, а два дебошира друг друга порешили.

– Туда им и дорога, – вздохнул Симеон.

В отличие от своего приятеля Исихия он никак не мог смириться с судьбой и надеялся, что когда-нибудь это веч-

ное хождение по району, где обитают шлюхи, ворье и убийцы, наконец-то закончится. Его повысят в чине, переведут на бумажную работу в полицейское управление, будут платить на сто форинтов больше, или хотя бы на семьдесят. А так... У них с Исихием самая неблагоприятная служба – шляться по улицам, отыскивать трупы и сообщать о них в управление. Тогда-то и понаедут следователи, которые ничем не занимаются, нежатся всю ночь в теплой постели, получают в месяц по полтыщи и корчат из себя самых умных. А ведь вся полиция на таких, как он, Симеон, да на таких, как его дружок Исихий, держится!

– Непорядок! – сказал его приятель и указал на переулок, в котором клубился белесый туман.

Симеон вздохнул. Приятель чересчур ретиво относился к исполнению своих обязанностей. И вообще, что такого страшного, если кого-то из продажных девок грабанут или прирежут. Сами виноваты, нечего заниматься греховным делом! А Исихий всюду нос сует, вот в прошлом году углядел труп около берега, так сколько мороки было: пришлось мертвяка выуживать из ледяной воды, а кто полез в реку? Разумеется, он, Симеон! А тело-то уже порядком разложилось, хвататься за него было страшно! Водяные трупы – самая мерзость: белые, раздувшиеся, без глаз, губ и носа – их пожирают раки, рыбы или жабы. После такого всю ночь проворочаешься с боку на бок и очей не сомкнешь!

– Да вроде все в порядке, – вставил Симеон.

Исихий пошевелил рыжими усами и рявкнул:

– У тебя все и всегда в порядке! Не видишь – дверь на-
распашку открыта!

– И что такого? – простонал Симеон, хотя прекрасно понимал: в Ист-Энде это может значить одно из двух – или хозяев нет дома и кто-то, пользуясь этим, их ограбил, или хозяева дома были, но воров это не смутило – они забрались внутрь и, прибив владельцев, вынесли все барахло. И в том, и в другом случае ничего хорошего это не сулило.

Дверь скрипела на легком ветру, Симеон поежился.

– Эй, у вас все в порядке? – крикнул он в проулок. Молчание было ему ответом.

– Может, пойдем дальше? – Симеон знал, что через десять минут их смена закончится и он сможет отправиться домой, где его ждет любимая жена и тарелка наваристого огненно-го борща с мозговой косточкой. Он всю ночь об этом мечтал, представлял, как сначала проглотит две тарелки этого самого борща, а потом отправится с женой в теплую постель. И вот – эта раскрытая дверь! Какая разница, что там случилось, все равно уже ничего не изменить! А любопытство нудного Исихия приведет к тому, что домой Симеон попадет под вечер.

Исихий строго посмотрел на него (напарник ему не нравился, вечно норовит наплевать на обязанности и увильнуть от работы, позорит полицейский мундир, одним словом) и шагнул в переулок. Симеон, кляня его в душе, поплелся за

ним.

– Королевская полиция Экаresta! – заорал Исихий с порога. Симеон заткнул уши – рык у напарника был почище паровозного гудка.

Исихий потоптался у двери, затем шагнул в серую мглу небольшой комнаты.

– Фи, ну и запах! – скривился Симеон, следуя за товарищем. Тот, чертыхаясь, пытался найти лампу. Наконец оранжевый огонек осветил помещение.

Симеон заметил на кровати женщину. Привалившись к плохо покрашенной стене, она, казалось, спала.

– Ну вот, видишь, все в порядке, – прошептал он, дергая Исихия за рукав. – Пошли, не будем ей мешать, а то она еще заявит, что полиция без спроса в ее дом ввалилась...

Исихий молча указал на стены и на пол. Симеон пригляделся. То, что он принял за неудачную покраску, на самом деле было разводами застывшей крови. Симеон ахнул и перекрестился.

– Боже, да что же с ней произошло? – заплетающимся голосом спросил он. – Здесь прямо как на бойне, все в крови!

Кровать, постельное белье, стены и пол комнаты были забрызганы кровью. Кровь была на всем, даже на куске черствого хлеба, который лежал на грубо сколоченном столе у крошечного очага.

Симеон почувствовал, что его мутит. Исихий тронул за плечо женщину и перевернул тело на спину.

– Матерь Божья! – прошептал он и непроизвольно отступил на шаг назад.

Чудесные золотистые волосы обрамляли овальное лицо жертвы.

– Он вырезал ей сердце! – задыхаясь, произнес Симеон.

– Да вижу я, – буркнул Исихий. – А перед этим горло перерезал, чтобы она не орала. Поэтому так много крови. Этот зверь вырвал у нее из груди сердце! Что за черт!

Симеон на полусогнутых ногах добрал до табуретки и брякнулся на нее. Ему приходилось видеть много трупов, и почти всегда они были окровавленные и обезображенные, но с подобным он сталкивался впервые. Чтобы кто-то вырезал у человека сердце!

Исихий осматривал тело, Симеон, качаясь, приблизился к чайнику, висевшему над очагом. Во рту пересохло, ему ужасно хотелось пить. Он припал к теплomu еще чайнику и стал жадно глотать воду.

Вкус у воды была какой-то странный, да и в чайнике что-то колыхалось. Но это Симеон понял, только когда ощутил на губах солоновато-приторный привкус крови. Чайник выпал у него из рук.

Они были в крови.

– В чем дело? – спросил, подбегая к нему, Исихий.

– Там... Там... Там... – трясущимся пальцем Симеон указал на лежавший на полу чайник, из которого вытекала красная жидкость.

– Вытрись, – Исихий швырнул Симеону грязное полотенце со стола. – А то выглядишь, как вулкодлак¹, весь рот в крови. Говорил же я тебе, что на месте преступления ни к чему нельзя прикасаться и тем более в рот совать.

Исихий склонился над закопченным чайником, заглянул в него одним глазом. Судя по тому, как бравый полицейский побледнел, он увидел что-то воистину ужасное. Исихий схватил со стола тарелку, выбросил из нее хлеб и опрокинул туда содержимое чайника.

Вначале полилась багровая жидкость.

– Это что, кровь? – икая, спросил Симеон.

– Судя по всему, да, – ответил Исихий. – Кровь, смешанная с водой.

А затем на тарелку плюхнулось и то, что повергло в ужас Симеона и заставило побледнеть Исихия.

На тарелке лежало сердце.

– Боже, боже, боже... – застонал Симеон. В животе у него заурчало. – Скажи мне, что это свиное... Или телячье...

– Я не доктор, но, скорее всего, оно человеческое, – заявил Исихий и указал на труп девушки. – Некий... субъект, человеком я его назвать не могу, вырезал у нее сердце, а затем... Положил его в чайник, который поставил на огонь! Нам надо немедленно сообщить об этом в управление.

В ушах у Симеона зазвенело. Совсем некстати ему вспомнился наваристый борщ с мозговой косточкой, который ждал

¹ В мифологии некоторых балканских народов – вампир, вурдалак.

его дома, и он опрометью бросился на улицу.

Слыша, как напарника выворачивает в переулке, Исихий обратил внимание на стену над очагом. В глазах у него зарябило.

Кособокие, выведенные кровью буквы складывались в слова: *«Это только начало. Первое сердце я дарю полиции, а все остальные съем. Мы еще повеселимся! Ваш до гробовой доски Вулк Сердцеед».*

Дана

31 октября

– Значит, уважаемая Серафима Ильинична, вы не боитесь маньяков? – задала я вопрос второй своей знаменитой гостью.

Серафима Ильинична Гиппиус, великая писательница, неподражаемый стилист, автор гениального романа «Глокая куздра» и ведущая культовой телепередачи «Ярмарка тщеславия», поправила цветастую шаль, закрывавшую ее мощный бюст, и ответила:

– Дана, к несчастью, я уже давно вышла из интересного для маньяков возраста. И, честно говоря, не особенно сожалею по этому поводу!

Серафима Ильинична, как это за ней обычно водится, проявила свое незабываемое чувство юмора и едкий сарказм, который для многих гостей ее «Ярмарки тщеславия» становится смертельной стрелой, наконечник коей смазан ядом анчара. Но на меня, Дану Драгомирович-Пуатье, удостоенную специального приза мегашоу «Позолоченный микрофон» в категории «Балаболка года», словесные выпады уважаемой писательницы Гиппиус должного воздействия не возымели.

– Не сожалеете, Серафима Ильинична? – спросила я и до-

бавила: – Как поется в песне: «Усе еще впереди – надейся и жди!» Маньяки так и роятся вокруг вас. По нашим сведениям, почерпнутым из герцословацких газет, некоторое время назад вы были замешаны в весьма пикантной истории с убийствами около портретов. И нити этого зловещего преступления, жертвами которого стали семь distinguished представителей экарестского общества, по слухам, ведут на самый верх. А прошедшей весной вы пытались разоблачить ужасного маньяка, который похищал детей в Варжовцах и жертвой его стала малолетняя дочь вашего мужа режиссера Марка Михасевича². Что вы скажете по этому поводу?

– Читать герцословацкие газеты до еды вредно для желудка, впрочем, и после еды тоже, – ничуть не смущаясь, заявила Серафима Ильинична. – И вообще, Марк – мой бывший муж под номером один, ошибка юности, вернее, досадная опечатка, которую не стоит принимать всерьез.

Моя ежедневная программа, выходящая в эфир по «Экарестскому радио», называется «Файф-о-клок у герцогини», это смесь светской хроники, глупых разговоров с умными людьми и обмен хохмами в прямом эфире. Минимум политики, никакого глубокомысленного анализа на уровне междометий «мда», «гм» и фраз типа: «Валовый национальный продукт в предыдущем квартале девальвировал по сравнению с установленными фискальными органами параметрами

² Читайте об этом в романах А. Леонтьева «Профессия – первая леди» и «Шоу в жанре триллера», издательство «Эксмо».

до уровня, который может негативно сказаться на пролонгации демонетизации льгот для широких слоев населения». Но это не значит, что у меня в программе не бывает политиков, просто задаю я им вопросы наподобие: «Когда вы впервые поцеловались?» или: «Кого бы вы предпочли в качестве личной массажистки – Бритни Спирс или Кристину Агилеру?» В общем, безотказный рецепт, проверенный тысячами: побольше секса, поменьше политики, свежие сплетни, приправленные громкими именами известных и серьезных людей, рассуждающих о всяческих глупостях.

Титул герцогини я ношу с полным правом: я происхожу из семьи герцогов Драгомировичей-Пуатье, которые, в свою очередь, обязаны своим титулом мимолетной интрижке между герцословацким королем Адрианом IV и внучкой придворного садовника. Когда плод общения монарха и простолюдинки появился на свет, добрый король даровал своей незаконнорожденной дочери титул графини Драгомирович. Она вышла замуж за французского герцога и получила двойную фамилию, а также узаконила свое не совсем благородное происхождение.

Времена изменились, и главный у нас в стране теперь – президент (Гремислав Гремиславович Бунич такой душа!), но, не буду скрывать, именно мой титул и фамилия помогли мне начать карьеру на радио и позволили стать одной из самых известных герцословацких радиоведущих и спецом в области всевозможных светских сплетен.

– Ну что же, Серафима Ильинична, коли вы наотрез отказываетесь говорить о вашей роли в поимке обоих маньяков, вернемся к нашей первой гостье, профессору Экарестского государственного университета, доктору психологических наук, заместителю директора Института судебной психиатрии имени Зигмунда Фрейда Кире Артемьевне Компанеец. Наша сегодняшняя программа, повторюсь, выходит в пятницу, тридцать первого октября, в канун Дня Всех Святых, когда души умерших возвращаются из преисподней на землю, дабы причинить зло нам, своим потомкам, – во всяком случае, так утверждают легенды и мифы многих народов мира. Сегодня же все прогрессивное человечество дурачится, празднуя жутковатый Хэллоуин, а мы обращаемся к теме маньяков – что может быть веселее!

Профессорша – невысокая дамочка лет пятидесяти, с умным, ухоженным лицом и модной короткой стрижкой – сидела напротив меня. Писательница Гиппиус с видом гусеницы из «Алисы в Стране чудес» курила, многозначительно пуская в потолок кольца синеватого дыма.

– Госпожа профессор, вы – один из ведущих специалистов по психологии серийных убийц в нашей стране, кроме того, вы – автор книги, которая выйдет в свет на следующей неделе, и книга эта посвящена маньякам. Напомните нашим слушателям, кто же главный герой этого произведения.

Кира Компанеец, улыбнувшись, ответила:

– Вы правы, Дана, недавно я закончила работу над доку-

ментальным исследованием, одной из центральных тем которого является личность легендарного убийцы Вулка Сердцеда, ставшая частью народного эпоса. Как известно, некий серийный убийца, лишивший жизни восьмерых дам легкого поведения в конце 1923 года, так никогда и не был пойман. Относительно его персоны имеется великое множество гипотез, но ни одна из них до сих пор не была доказана. В первой части своей книги, посвященной Сердцеде, которая называется *«Меня зовут Вулк»*, я подробно анализирую все существующие версии и выдвигаю совершенно новую и, поверьте мне, Даночка, сенсационную!

Впрочем, издательство, выпускающее книгу профессорши, нам ничего не платило, а идею пригласить на программу Киру Компанеец подала мне моя верная помощница Веточка, которая откопала в одном из журналов интервью с сей ученой дамой. А раз деньги не плачены, то нечего позволять профессорше заливаться соловьем в прямом эфире и пиарить свою книжку!

– И кто же, по вашему компетентному мнению, является этим воплощением ада, безжалостным маньяком, который лишал жизни столь страшным образом падших женщин? – спросила я, поддерживая беседу.

– О, этого я, Даночка, сказать вам не могу, – не без некоторого кокетства заявила Кира Компанеец. – Повторюсь, что моя книга проливает совершенно новый свет на события более чем восьмидесятилетней давности.

Профессорша, несмотря на все ее потуги, была достаточно нудной собеседницей. Однако это с лихвой компенсировалось присутствием Серафимы Гиппиус.

– Серафима Ильинична, а кто, по вашему мнению, был этим самым Вулком Сердцеедом? – поинтересовалась я, обращаясь к скучающей писательнице.

– Я откуда знаю? – ответила она. – Личность Джека Потрошителя так до сих пор стопроцентно и не установлена, и что, это мешает вам спокойно спать? И вообще, давайте не будем тревожить мертвых! Вулк Сердцеед, как и его жертвы, давно покинул этот свет, так что нет нужды рассуждать о том, кто бы мог им быть!

Профессор энергично замотала головой, выражая свое полное несогласие со словами Серафимы Ильиничны.

– Мне кажется, что вы не правы, – упрямо произнесла она. – Злодеяния Вулка Сердцееда – это одна из уникальных тайн мировой криминологии, она увлекала меня с юности! И вообще, я исхожу из того, что Вулк породил, так сказать, последователей. Ведь и другой кровавый маньяк, который наводил ужас на жителей нашей столицы в середине семидесятых – начале восьмидесятых, по странному стечению обстоятельств носил имя Вулк – ему отведена вторая часть моей книги.

– Хороший подарочек к Новому году и Рождеству, – протянула Серафима Ильинична. – Теперь я знаю, *что* именно подарю своей закадычной подруге Рае Водянской, – ваш

бестселлер. Это лучше, чем книга с рецептами ста низкокалорийных и диетических блюд из тыквы, которую я уже, честно говоря, для нее присмотрела в лавке букиниста.

– Вы имеете в виду того Вулка Климовича... – протянула я. – Но какая между ними связь кроме того, что они носили одно и то же имя?

Кира, тряхнув рыжей шевелюрой, воскликнула:

– О, Даночка, именно об этом и идет речь в моей замечательной книге! Наш Вулк Сердцеед, действовавший в 1923 году, так и не был пойман. А вот Вулк Климович, который, как доказал суд, убил тридцать три человека, понес заслуженное наказание.

– Говорят, что Вулк Климович сознался в убийстве чуть ли не полусотни человек, просто у суда не было доказательств, хотя его признания выглядели достоверными, – встряла в разговор Серафима Ильинична. – Я помню ту атмосферу ужаса и беспомощности, которая царила в Экаресте в те годы! Женщин – удушенных, изнасилованных и расчлененных – находили в лесополосе, на обочине шоссе, в стоках канализации. Однако по приказу из Политбюро существование маньяка отрицалось – коммунистические бонзы не желали признавать, что многочисленные жертвы – дело рук одного чрезвычайно умного и беспощадного маньяка, а не разных и не связанных между собой преступников.

– Вы правы! – воодушевилась профессорша. – Вулк Климович зверствовал на протяжении девяти лет, и в течение

этого времени никто официально не желал признать, что наша столица находится в руках опаснейшего безумца! На него устраивали облавы, засады, пытались помешать его, так сказать, «работе» при помощи патрулей дружинников, полицейских кордонов и даже комендантского часа...

– Прекрасно помню, – отозвалась Гиппиус. – В 1983 году меня застукали на улице в начале двенадцатого ночи, я возвращалась с именин подруги. Милые полицейские препроводили меня в участок! Я что, похожа на маньяка? А в ту же ночь Климович совершил очередное убийство!

Профессорша Компанеец затараторила, стараясь удивить меня и слушателей своими глубокими познаниями:

– О да, теперь ясно, что все эти мероприятия не только не мешали Вулку убивать, а, наоборот, подстегивали его. Он ведь понимал, что на его поимку брошены лучшие силы страны, и, упиваясь собственным всесилием, придумывал трюк за трюком, чтобы оставить полицию в дураках и найти новую жертву! Поймать Климовича помогла, как известно, случайность – он пнул ногой облаявшую его таксу, принадлежавшую соседке по лестничной клетке, причем так сильно, что сломал бедному животному лапку. Соседка обратилась в полицию, на квартиру к Климовичу пришел участковый. Вулк грубо его обругал из-за закрытой двери и отказался впустить. Пришлось вызывать подмогу. Когда дверь взломали, то обнаружили в квартире, которую Климович снимал втайне от жены для утех с любовницами, которых потом по-

что всех и убивал, филиал ада – в кладовке было полно одежды, снятой им с жертв, а в холодильнике... – Голос профессора дрогнул: – В холодильнике нашли пять сердец последних жертв! Сам маньяк удрал через окно, но далеко уйти он не смог, его арестовали через несколько часов на автовокзале.

– Вот вам и соль всей истории: не обижайте братьев наших меньших! – с ехидством заметила Серафима Ильинична.

Кира судорожно сглотнула и, не оценив сарказма писательницы, продолжила:

– Как известно, был грандиозный судебный процесс, Климовича отправили на психиатрическую экспертизу в институт, где я работала над кандидатской. Мне, можно сказать, повезло, я входила в команду психологов и психиатров, которым было поручено установить степень вменяемости Вулка Климовича. Нами руководил всемирно известный профессор Норберт Штайн, директор Института судебной психиатрии имени Фрейда, в котором я сейчас имею счастье работать. Климович был признан полностью вменяемым, суд приговорил его к смертной казни, и на исходе 1985 года приговор был приведен в исполнение. Как сказал тогда профессор Штайн, большой любитель латинских выражений, *omnes una manet nox* – всех нас ожидает одна ночь!

– Конечно, это все жутко занимательно, – заявила я, поглядывая на часы. – Вернее, и жутко, и занимательно, однако, уважаемая Кира Артемьевна, какое отношение Вулк

Климович имеет к своему зловещему предшественнику – Вулку Сердцееду?

Профессор откашлялась и, пристально взглянув на меня, прошелестела:

– То, что я скажу сейчас, Даночка, широкой публике неизвестно. Мне доводилось несколько раз беседовать с Вулком Климовичем и проводить с ним тесты на предмет выяснения его вменяемости. На суде ему слова не дали, хотя он порывался донести до народа правду.

Кира замолкла. Я радостно потеряла руки: похоже, она решила расколоться и выдать в прямой эфир что-то сенсационное! Даже Гиппиус, загасив в пепельнице сигарету, с любопытством уставилась на мадам Компанеец.

– Вулк Климович утверждал, что его отец не кто иной, как Вулк Сердцеед! Видимо, при помощи этой басни маньяк пытался представить себя в глазах экспертов невменяемым, мечтая отправиться до конца дней в сумасшедший дом, а не в камеру смертников. Якобы, когда Вулку было семнадцать лет, а в этом возрасте Климович и совершил первое убийство, ему во сне явился субъект, заявивший, что он – его отец-Сердцеед. Призрак будто бы передал ему свою силу и толкнул Климовича на совершение первого ужасного злодеяния. И вообще, Климович рассматривал себя как реинкарнацию собственного родителя. Он был твердо уверен в том, что дух Сердцееда вселился в него и завладел его душой. Именно поэтому он, как и Вулк Сердцеед, извлекал из груд-

ной клетки жертв сердца, которые... из которых...

Профессор запнулась и наконец выпалила:

– Которые он вместе с молоком и овощами взбивал в шейкере, получая протеиновый «коктейль бессмертия»!

– Фи, какая гадость! – скривила губы Серафима Гиппиус. – Больше никогда не буду пить коктейли!

– По приказу Политбюро Герцословакии эти жуткие подробности не были доведены до сведения общественности, – вздохнула Кира. – Но теперь, Даночка, полтора десятилетия спустя после падения коммунистического режима, настало время донести до людей правду о Вулке Климовиче!

Рассказ профессорши взволновал меня, сама не знаю, чем именно.

– Кира Артемьевна, – спросила я, – неужели Вулк Климович был сыном Сердцееда?

Профессорша улыбнулась, что сделало ее весьма привлекательной:

– Даночка, чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, кто же был Вулком Сердцеедом, зверствовавшим в ноябре – декабре 1923 года! И это возвращает нас к моей книге. Я придерживаюсь версии, что Климович не лгал – он в самом деле был сыном Вулка Сердцееда!

Чувствуя, что поймала птицу удачи за хвост, я воскликнула:

– Боже мой, но как такое возможно!

– Духовным сыном, Даночка, – быстро поправилась про-

фессорша. – Нет, я не думаю, что между обоими Вулками имеется кровное родство, однако налицо родство ментальное! Климович напирал на то, что его родители неизвестны, – он воспитывался в детском приюте, куда его подбросили в начале сентября 1925 года. Так что по возрасту Вулк Климович мог быть сыном Вулка Сердцеда. Но, конечно же, все это сказки, фантазии больного мозга! Он вбил себе в голову, что дух отца-убийцы переселился в него. Квинтэссенция этой истории, Даночка, следующая: зло в нашем обществе, причем зло экстремальное, как в случае с обоими Вулками, неискоренимо. Вулк Сердцеда жив и будет жить дальше – в переносном смысле, конечно же! Не исключено, что сейчас где-нибудь в квартирке сидит человек, который лелеет кровавые планы, по своей жестокости не уступающие преступлениям обоих Вулков!

– Что вы хотите этим сказать? – спросила я.

Режиссер подал знак, что имеется звонок в студию: в течение программы нам звонят слушатели, которые задают вопросы именитым гостям.

– Вы думаете, что Вулк Сердцеда вернется? – проверещала я замогильным голосом.

На секунду и мне самой сделалось страшно, но только на секунду. Я не верю в паранормальные явления или темные силы. Хотя предположение профессорши о том, что какой-нибудь псих, уверовав, что он – реинкарнация известного маньяка, решится повторить такие же убийства, было не

лишено логики.

– Даночка, я уверена в этом, – тихо ответила Кира Компанеец. – Весь вопрос в том – когда. Рано или поздно в чьем-нибудь больном мозгу зародится идея копировать те убийства. В наше время наблюдается своеобразный феномен – убийцы во многих случаях повторяют преступления, которые имели место много лет назад.

– Добрый день, – произнесла я, обращаясь к звонившему.

У нас оставалось пять минут эфирного времени, которых с лихвой хватит, чтобы выслушать вопрос и получить на него компетентное разъяснение эксперта.

Послышалось потрескивание. Звонивший молчал. Я постоянно сталкивалась с тем, что люди, которые прорываются к нам на программу, внезапно замолкают, осознав, что их слышит вся страна.

– Вы можете говорить, – сказала я любезным тоном. Иногда людей следует подбодрить. – У вас имеется вопрос к профессору Компанеец?

Снова молчание. Я была готова подать режиссеру сигнал, чтобы он отключил этого стеснительного гостя и предоставил нам возможность пообщаться с кем-либо не столь робким, как вдруг раздался глухой, словно из подземелья, голос.

– *Нет!*

Что за многословный ответ! И почему прямой эфир таким магическим образом действует на людей? Многие из тех, кто в обычной жизни фонтанирует фразами, на программе слов-

но воды в рот набирают.

– Значит, у вас имеется вопрос к Серафиме Ильиничне Гиппиус? – спросила я, моля Всевышнего, чтобы звонивший не ответил все тем же кратким словом. Мои молитвы услышаны не были.

– *Нет*, – повторил гость.

Ну просто великолепно! И кого только пропустили в прямой эфир? С таким красноречивым собеседником программа, конечно же, будет иметь «колоссальный» успех.

– Представьтесь, пожалуйста, и поделитесь с нами тем, что подвигло вас позвонить на нашу программу, – с некоторым раздражением сказала я.

И снова молчание. Этого молчуна нужно вырубать из эфира! Внезапно гость заговорил. Его голос был странным – не мужской и не женский, надтреснутый, глуховатый, какой-то... неестественный.

– *Ты хочешь знать мое имя? Ты уверена в этом? Меня зовут Вулк...*

– Очень приятно, – посмотрев на часы, машинально ответила я. – Так вот, уважаемый Вулк, какой у вас вопрос и к кому...

Звонивший прервал меня, и только тогда я испугалась. Он назвался Вулком!

– *Меня зовут Вулк Сердцеед!* – разнеслось в ответ.

Режиссер схватился за голову, а я икнула. Редкостная удача! На программу позвонил сумасшедший, который попал в

прямой эфир! Слушатели будут от этого в восторге!

– Значит, вас зовут Вулк Сердцеед, – протянула я. – И, судя по всему, вы хотите сказать что-то важное? Кстати, Вулк, как у вас дела, вам наверняка никак не меньше ста лет. Ведь если вы претендуете на то, чтобы быть знаменитым маньяком...

– Я – Вулк Сердцеед, – повторил звонивший, и в его голосе послышались сумасшедшие нотки. – *Но я же и Вулк Климович! Их души живут во мне! Ты в это не веришь, и никто не верит, но я – Вулк! Я вернулся!*

– Как интересно, – произнесла я. – И вы позвонили нам, чтобы сообщить всей стране эту сногсшибательную новость? Но где же вы пропадали последние сто... ммм... восемьдесят с лишним лет? И как вам жилось после вашего расстрела двадцать лет назад, достопочтеннейший?

Утробно расхохотавшись (признаюсь, от этого смеха по моей спине поползли мурашки), он сказал:

– *Я не пропал, я ждал! Как ждал долгие годы, пока не вселился в тело Вулка Климовича, заставляя его совершать убийства, подобные тем, что я совершал в 1923 году! Потом мне пришлось сделать вынужденную паузу, но на этот раз я решил не терпеть столь долго! Двадцати лет хватит сполна! Я вернулся, чтобы убивать. Дана, ты станешь моей жертвой. Я вырежу твое сердце и съем его! Причем очень скоро! До встречи!*

Раздались короткие гудки, звонивший положил трубку.

– Мы имели возможность услышать человека, который воображает себя одновременно Вулком Сердцеедом и Климовичем, – проговорила я, чувствуя страх. Но чего я испугалась? Глупых угроз телефонного хулигана? – И он заявил, что возвращается, – продолжила я. – Профессор Компанеец, что вы скажете по этому поводу?

Профессор вздохнула и ответила:

– Мне кажется... Мне кажется, Даночка, что к этому звонку следует отнестись серьезно. Человек, который беседовал с нами... с вами... Даночка... полон решимости. И это значит... что он готов... к тому, чтобы...

Кира запнулась. И она туда же! Только пусть не говорит, что со мной в прямом эфире только что беседовал маньяк. Впрочем, это было бы не так уж и плохо! Но наверняка это какой-нибудь неуравновешенный тип, который решил стать знаменитым. Ради саморекламы люди сейчас готовы буквально на все, в том числе и на жуткие преступления.

– ...чтобы убивать, – завершила свою мысль Компанеец.

Кира поникла, мне на мгновение стало жаль ее. Да, работа психиатра нелегка. Ей постоянно приходится иметь дело с различными странными и болезненными типами. Профессор готова верить тому бреду, который произнес неизвестный звонивший.

У меня осталось двадцать секунд, чтобы поблагодарить гостей и завершить программу. На сегодня я была свободна.

После эфира, проведив до лифта почтенную писательни-

цу Гиппиус и в сто пятый раз отметив гениальность ее литературного творчества, я вернулась к разговору с профессоршей. Она была милой, хотя и склонной к нравоучениям дамой. Мы прошли ко мне в кабинет.

На пороге меня встретила Веточка – моя секретарша, помощница, правая рука и ангел-хранитель в одном лице. Веточка, чье имя по паспорту Кветослава, но которую все, в том числе и я, называют этим милым дебильноватым прозвищем, была моей самой восторженной поклонницей.

– Дана, это лучшая программа за последние годы! – завопила она, бросаясь мне на шею.

Эмоции так и били из нее. Веточка расцеловала меня, оставив на щеках следы фиолетовой помады. Она сопровождает меня в течение последних трех лет, заботится о том, чтобы я не зарабатывалась, отвечает на звонки, ведет корреспонденцию, в общем, жертвует собой ради меня. Я не без укоров совести воспринимаю сие как должное. Веточка не раз говорила, что я для нее – недостижимый идеал и пример для подражания. Ее заветная мечта – стать ведущей собственной программы.

Я нежно люблю малышку, поэтому не хочу говорить ей, насколько иллюзорны ее мечты. Бедная девочка совершенно не приспособлена для того, чтобы стать ведущей! У Веточки отсутствует чувство юмора, одевается она в бабушкины балахоны и пользуется косметикой двадцатилетней давности, запинается и заикается, краснеет и бледнеет, стоит ей

стать центром внимания, и вечно ссылается на свою мамашу и братца. Помимо всего прочего, она носит очки в ужасной старомодной оправе, а ее кривоватые зубы стянуты уродливыми скобами. Я не хочу огорчать бедняжку жестоким приговором, поддакиваю, когда речь заходит об ее амбициях, тут же вставляя, что «пока тебе стоит еще пару годков потренироваться». Веточка много раз пыталась продемонстрировать мне свои «редкостные» таланты (кажется, способность похрюкивать или умение шевелить ушами), которые, по ее мнению, могут открыть ей дорогу в эфир, но я, убегая от нее, уверяю, что у меня нет времени!

Я часто ловлю себя на мысли, что без нее я как без рук, и меня совершенно не радует перспектива потерять Вету. Мерзко, конечно же, и подло, но меня вполне устраивает Веточка в качестве «девочки на побегушках». Не всем же, в конце концов, выпадает, как мне, удел стать звездой, кто-то должен исполнять функции покорной прислуги!

Я подошла к зеркалу, висевшему на стене, и увидела фиолетовые разводы на щеках. Сердиться на Веточку нет абсолютно никакой возможности.

Она тем временем атаковала профессоршу:

– Госпожа Компанеец, значит, вы в самом деле считаете, что этот человек, который позвонил в программу, может быть убийцей?

– Все мы потенциальные убийцы, – просто ответила Кира. – Не могу сказать, что именно заставляет меня восприни-

мать его слова всерьез, какое-то шестое чувство, интуиция, что ли... В моей практике имелись случаи, когда убийца, до того как приступить к своему темному делу, открыто объявлял о том, что желает заняться кровавым ремеслом. И самое удивительное, что ему никто не верил!

Странно, но слова профессорши меня успокоили. Я была уверена, что звонивший – не более чем столичный сумасшедший. Режиссер программы сказал, что отследить номер не удалось, по всей видимости, звонили из телефона-автомата. Кто-то наслаждается своей шуткой.

– Так кто же, по вашему мнению, являлся Вулком Сердцеядом? – спросила я у Киры Компанеец.

Та, усмехнувшись, ответила:

– Даночка, дождитесь выхода в свет книги.

– Говорили, что к этим убийствам причастен кто-то близкий к королевскому дому, – забросила я удочку.

Профессорша зашептала:

– Скажу вам по секрету, Даночка, – вы правы!

Я едва сдержала гримасу разочарования. Получается, что профессор не открыла ничего нового, а обработала старые и существующие уже сотню лет версии. О том, что убийцей мог быть лейб-медик короля профессор Карл Вадуц, было известно любому экарестскому школьнику. Кира сляпала бестселлер из избитых и малоинтересных фактов. Так всегда – если кто-то во всеуслышание уверяет, что написал гениальную книгу, в которой разоблачает таинственного убийцу или

раскрывает жуткое преступление, к подобного рода саморекламе следует относиться настороженно. Да и продвигают такие второсортные опусы при помощи назойливого пиара и нещадного компостирования мозгов. О времена, о нравы!

Кира, увидев мою реакцию, поспешила исправить ситуацию:

– Я предваряю ваши аргументы – «Но об этом всем известно!» Что, Даночка, известно? То, что Карл Вадуц, кстати, хирург, был одним из возможных претендентов на роль Вулка Сердцееда! Многие уверены, что убийцей являлся мясник, сумасшедший медик, ревнивый муж или проповедник – поборник ханжеской морали, не забывают, все восемь жертв были девицами легкого поведения, или полицейский. А кое-кто уверен, что в Экаресте действовал постаревший убийца, который за тридцать пять лет до этого, в 1888 году, навел ужас на лондонский район Уайтчипелл. Они считают, что так называемый Джек Потрошитель, зверским образом убивший пятерых проституток, бежал из Англии, совершил в Европе ряд убийств, например, в Париже, Берлине и Санкт-Петербурге, а потом перебрался в Экарест, где повторил серию кровавых бесчинств. Кстати, лейб-медик с 1887 по 1889 год жил в британской столице, где посещал один из медицинских колледжей. Ему было в ту пору двадцать с небольшим, и он вполне мог быть Потрошителем! Так что версия о причастности Вадуца к убийствам – одна из многих! А мне удалось доказать, что она – единственно возмож-

ная!

Пафос профессорши меня не убедил. К чему вообще ворошить эти старые, давно пропахшие пылью истории. Ответ очевиден – Кира, как и многие, жаждет денег, и ее книга о Вулке Сердцедеде – попытка заработать на древней истории. А как любезная Компанеец рекламирует свою книжонку!

– Вы в этом уверены? – спросила я лениво.

Она ответила:

– Профессор Вадуц и был Сердцедедом! Вам известно, что кое-кто подозревает в причастности к убийствам наследного принца Венцеслава Любомировича? О, Даночка, я провела ряд исследований, которые подтверждают – принц Венцеслав действительно страдал вялотекущей шизофренией и был склонен к садистским поступкам. Известно ли вам, например, что в детстве он пытался убить одного из слуг во дворце? Он подкрался к дворецкому, который стоял около открытого окна, и с силой толкнул того – бедняга едва не вывалился на террасу! Ему повезло, мальчику тогда было восемь лет, у него не хватило сил, чтобы вытолкнуть в окно взрослого человека. А получишь у него это, дворецкий бы непременно сломал шею! Но Венцеслав отношения к убийствам не имеет, я уверена, что Вадуц намеренно очернял принца, распространяя про него жуткие сплетни, причем с единственной целью – выгородить самого себя!

Не мне ей рассказывать ужасные истории о порочных представителях аристократии: ведь я сама прихожусь даль-

ней родственницей принцу Венцеславу.

– Нашей стране повезло, что Венцеслава заперли в сумасшедшем доме, где он умер от острого перитонита, – продолжала профессорша. – Представьте себе на секунду, Даночка, что бы произошло, если б после кончины короля Кароля на престол взошел его кузен Венцеслав! Герцословакия получила бы в качестве законного правителя безумного маньяка!

О, если бы профессорша знала, что нашей страной в течение столетий правили далеко не самые уравновешенные и уж точно не исповедывавшие доброту и милосердие короли! Хотя она права: если Венцеслав и в самом деле имел отношение к убийствам в экарестском Ист-Энде, то такая возможность – принц-убийца восходит на трон – не радовала.

Я попросила Вету принести нам кофе с сухариками, и мы прошли в мой кабинет.

– Семейство Любомировичей, наследники нашего бывшего королевского дома, даже угрожали мне грандиозным судебным разбирательством, – не без гордости сообщила Кира, располагаясь в кресле. – Они прознали о том, что в своей книге я не просто выдвигаю гипотезу о причастности лейб-медика Вадуца к убийствам, но и доказываю ее. Если бы вы знали, что это за люди! Они натравили на меня своих адвокатов и даже угрожали физической расправой, если я издам книгу!

Повадки Любомировичей мне были хорошо известны. Как-никак, я одна из них: однако, несмотря на то, что всем

известно – герцоги Драгомировичи-Пуатье ведут свое происхождение от любвеобильного короля Адриана и, таким образом, являются побочной ветвью дома Любомировичей, нынешний глава королевского семейства ни за что не желает знаться со мной.

– Думаю, вам следует уделить в вашей книге пару страниц безобразному поведению королевской семьи, – посоветовала я профессорше. – Сгустите краски, опишите их поправдоподобнее, это усилит интерес!

– Вы так считаете, Даночка? – спросила с надеждой Кира Компанеец. – А то издательство ну совершенно не продвигает мою книгу! Дескать, ретроспективные расследования никому не нужны, подавай им иронические детективы и мелодрамы из жизни столичного бомонда. Видели бы, какую, с позволения сказать, рекламную концепцию они мне предложили – умереть не встать! А я уверена, что мое исследование, чрезвычайно, кстати, солидное, вызовет у публики широкий резонанс.

Я заверила ее, что наш герцословацкий народ, несмотря на то, что уже многие годы живет при республиканском строе, до сих пор тоскует по «сильной руке» и «королевскому величию».

– А также смачным скандалам в королевских дворцах. Не завидую августейшей доле – будь я принцем Чарльзом и имей такую жену, как Камилла, тоже бы отправилась маньячить в подворотню!

Кира не оценила моего легкого юмора, тут, на мое счастье, появилась Вета с кофе и сухариками. Я с сожалением посмотрела на свою помощницу: я ведь отдавала ей распоряжение таким тоном, чтобы она поняла – ничего нести не надо! Мне хотелось как можно быстрее избавиться от профессорши! Но бедняжка, как обычно, поняла все превратно!

Выдворить Киру из кабинета было невероятно сложно, она тотчас достала из сумочки объемный блокнот, в который стала записывать мои советы. Я намекнула ей на поздний час и выразила уверенность, что дома ее ждут муж и дети.

– О, не стоит беспокоиться, Даночка, муж у меня был, когда я училась в аспирантуре, но больше двух лет мы вместе не выдержали и разошлись по обоюдному согласию, а дети давно выросли, – ответила Компанеец. – Карьера для меня – на первом месте. Даже моих малышей я произвела на свет, не отрываясь от производства, – через неделю после защиты диссертации! Так, значит, вы считаете, что мне стоит добавить в книгу главу о реакции королевского дома на мои разоблачения?

Я пожалела, что вообще затронула эту тему. На намеки профессорша не реагировала, когда же я сказала, что она, наверное, безумно устала и ей хочется принять горячую ванну с ароматическими маслами, она смирила меня взглядом, полным непонимания, и изрекла:

– У меня нет ванны, Даночка, я принимаю холодный душ два раза в день по три минуты, великолепно себя чувствую

и никогда не простужаюсь! А летом живу на даче под Экарестом, где занимаюсь легкой физической работой, что поддерживает организм в тонусе.

Сомневаться в этом не приходилось – для своих пятидесяти с хвостиком госпожа профессор выглядела очень даже ничего. После двух часов изнурительной беседы мне удалось распрощаться с Кирой под предлогом того, что настала пора готовиться к завтрашней передаче.

– О, если хотите, Даночка, я могу вас подвезти, – предложила она.

Я моментально заявила, что этого не требуется, – в гараже телецентра меня ждало собственное авто.

– Ах, как жаль, я не обсудила с вами и десятой доли того, что хотела, – закудаhtала Кира.

В сердцах я подумала, что не имею ничего против того, чтобы материализовавшийся в коридоре студии Вулк Сердцеед или, на худой конец, Вулк Климович прикончил Киру. Профессорша была невыносима, как касторка, и прилипчива, как банный лист. Неужели все писатели такие – нападают на жертву и высасывают из нее информацию до последней капли?

Извинившись, я вышла на секунду в комнатку, где сидела Веточка, усердно набиравшая что-то на компьютере, и прошептала:

– Дорогая, позвони мне по внутреннему телефону!

– Но зачем, Дана? – подняв на меня огромные карие глаза,

подведенные фиолетовой тушью, спросила она. И, заметив сигарету в моей руке, проблеяла: – Дана, курить вредно, это уже вторая пачка за день...

Я рывкнула:

– Все мы умрем! А что касается звонка – так надо! Без рассуждений делай немедленно, а не то мерзкая профессорша меня с потрохами съест!

Я вернулась к Кире, которая продолжала вещать, а через пару секунд телефон на столе затренькал. Вот оно, мое спасение! Я схватила трубку. Раздался робкий голосок Веты:

– Дана, ты сама просила позвонить тебе...

– О да, господин генеральный директор! – завопила я в трубку. – Я вам немедленно нужна? Ну, конечно же, я свободна! Сейчас буду!

– Дана? – заикнулась Веточка, явно ничего не понимая.

Я положила трубку и с чувством невероятного облегчения заявила Кире Компанеец:

– Шеф зовет меня к себе, причем сию секунду. Он не привык ждать, так что, уважаемая профессор, нам придется распрощаться!

Я проводила Киру Артъемьевну к выходу (мне хотелось лично убедиться, что она наконец-то покинула телецентр), помахала ей на прощание рукой и, разорвав, выбросила в урну визитную карточку, которую сунула мне Кира с пожеланием, чтобы я позвонила ей сегодня вечером: по ее мнению, мы бы могли обсудить кое-какие главы ее книги.

Вернувшись в кабинет, я бегло просмотрела план завтрашней программы – гостями на этот раз была звездная эскорта из шоу-бизнеса, примадонна герцогсловацкой эстрады Стелла Бугачиха и ее бывший супруг суперстар Афиногений Гиргорлов, возжелавшие поведать народу об истинных причинах своего недавнего развода, – и налила себе пятую чашку кофе.

Раздался телефонный звонок, я схватила трубку и весьма нелюбезно заявила:

– Ну да, я слушаю!

В трубке слышались щелчки и скрежет. Потом раздался до боли знакомый голос:

– Даночка, вас беспокоит профессор Кира Компанеец, я хотела бы уточнить кое-какие детали...

Она звонила с мобильного, мне пришлось удовлетворить ее любопытство. После двадцати минут пустопорожней беседы мы расстались и я, скрипя зубами, положила трубку.

Телефон моментально зазвонил опять. Это было уж слишком! Если эта Кира думает, что может терроризировать меня, то ошибается. Я резко сняла трубку и прокричала:

– Кира Артемьевна, меня для вас нет! Спокойной ночи!

– *Дана*, – донеслось до меня. Я прикусила язык. Это была не занудливая профессорша, а кто-то другой. – *Дана...*

– Кто это? – не нашла я ничего умнее, чем задать стандартный вопрос.

– *Это Вулк*, – ответил собеседник.

Я хмыкнула. Ну надо же! И кто додумался до подобной шутки – наверняка один из сотрудников моей программы. Звонит и выдает себя за того полоумного, который в прямом эфире напроорочил возвращение Вулка Сердцеда.

– Милош, это же ты! – рискнула я, придавая голосу незыблемую уверенность.

Милош, один из редакторов программы, отличался специфическим чувством юмора, позвонить мне и голосом Кентервильского привидения вещать от имени мифического маньяка явно номер из его репертуара.

Нет, это не Милош? Но кто же тогда?

– Блажей? Гилек? Казимир? – перечислила я всех, кто мог позволить себе столь глупую шутку.

Внезапно мне сделалось страшно. Я не понаслышке знала о существовании так называемых сталкеров, больных личностей, которые преследуют знаменитостей, терроризируют их звонками, письмами, забираются к ним домой и даже пытаются убить. С одной стороны, нужно радоваться, что популярность привлекает ко мне внимание психопатов, но с другой... Нет, лучше все же без этого!

– *Это Вулк!* – прошелестел голос, и я узнала его. Это тот же самый субъект, который позвонил на программу, сомнений быть не может.

Лишенный признаков пола голос, голос, как будто идущий из могилы, врывающийся в этот мир из преисподней.

– Что вам надо? – спросила я, чувствуя, как у меня звенит

в ушах.

Я пыталась внушить себе, что это чья-то идиотская шутка, но сознание отказывалось верить в это. Что-то подсказывало мне: звонивший чрезвычайно опасен.

– *Мне нужна ты!* – ответил Вулк.

Надо же! Я тайно мечтала, чтобы это произнес черноволосый красавец, прибывший за мной на белоснежной яхте. Но услышать подобное от сумасшедшего анонима? Я истерично рассмеялась и попыталась придать своему голосу свирепость.

– Учтите, уважаемый Вулк, мы давно определили ваш номер, а за телефонное хулиганство в уголовном кодексе имеется статья. Я сейчас же позвоню в полицию, вас арестуют и отправят в тюрьму...

– Дана, – Вулк, казалось, не слушал меня. – *Я вернулся! И ты станешь моей жертвой! Я вырву твое сердце и... съем его!*

– Сердцеед и Климович давно мертвы, – заявила я.

– *Я был дважды мертв, но теперь снова обрел жизнь. Я вернулся, Дана, вернулся в третий раз!*

– Вы больны, – сказала я, – причем серьезно. Хотите, дам вам телефон психиатрической клиники? Ваша шутка зашла слишком далеко, понятно? Вы хотите отправиться в сумасшедший дом? Я могу вам это устроить!

Видимо, мой голос дрожал, когда я выдавала гневную тираду. Во всяком случае, она не возымела ни малейшего дей-

ствия. Звонивший произнес еще одно слово, от которого мне сделалось не по себе:

– *Скоро!*

И отключился.

Я просидела с зажатой в руке телефонной трубкой не меньше пяти минут, пытаюсь собраться с мыслями. Собственно, чего я испугалась? Не стоит обращать внимания на выходки анонимного сумасшедшего.

И снова зазвонил телефон. Я решила не отвечать. У меня не было ни малейшего желания общаться с субъектом, который уверен, что он – Вулк Сердцеед. Телефон надрывался и надрывался. Наконец он стих. Через минуту в дверь кабинета постучали, и я едва не подпрыгнула от ужаса.

– Дана, возьми, пожалуйста, трубку, тебе звонок, – на пороге возникла Вета. – Боже мой, ты опять куришь! Это же...

– ...вредно, мне сие известно! – выпалила я. – Что за кикимора телефонирует?

По всей видимости, мой тон был несколько странным, потому как Веточка с готовностью сообщила:

– Не стоит беспокоиться, это не твой бывший муж. Профессор Компанеец на проводе! Она трезвонила тебе в кабинет, но никто не брал трубку.

– Ах, эта институтская зануда! Веточка, надо было сказать, что я на приеме у генерального! Какая же ты, право, нерасторопная!

Вздохнув, я приникла к трубке. Так и быть, пусть это лучше будет нудная профессорша, чем псих, считающий себя Вулком.

– Чем могу помочь, Кира Артемьевна? – спросила я.

Та захныкала:

– Даночка, я никак не могла до вас дозвониться, все время было занято, а потом никто не брал трубку. Но я ведь знаю, что вы на рабочем месте! Пришлось звонить вашей помощнице! Мне нужно сказать вам кое-что чрезвычайно важное...

Я приготовилась к тому, что она осчастливит меня новыми мыслями по поводу своей книги. Судя по всему, этот опус был ей чрезвычайно дорог, вот она и мучит меня по сему поводу.

– Кира Артемьевна, – сказала я, теряя терпение. – Я собираюсь домой, так что у меня нет времени беседовать с вами. Кажется, мы выяснили все, что требовалось!

– Я никогда бы не стала беспокоить вас по пустякам, Даночка, – несколько обиженным тоном произнесла профессорша. – Я понимаю, что вы человек занятой, но... Пятнадцать минут назад мне кто-то позвонил и сказал...

Она замолкла. Я осторожно спросила:

– Кира Артемьевна, все в порядке?

– Да, да, я подъехала к дому, – раздался ее бодрый голос. – Секунду... Вы меня слышите, Даночка? Кто-то позвонил мне и представился... Вулком. Мне кажется, что это –

продолжение той неудачной шутки во время вашей программы.

– Что он сказал? – потребовала я.

Профессор растерялась и ответила:

– Я не особенно прислушивалась к его словам, понимаете, я, как психиатр, постоянно имею дело с патологическими личностями, многие из них угрожают мне, но на самом деле это не более чем попытка нагнать на меня страх и вывести из равновесия.

Кира снова замолчала. До меня донесся странный скрежет.

– Кира Артемьевна! – позвала я. Компанеец не отвечала. – Госпожа профессор, с вами все...

– Все в порядке, Даночка, – успокоила меня она. – Я в лифте, поднимаюсь к себе на этаж. Вы хотите знать, что он мне сказал? Я тоже подумала, что вас это заинтересует, поэтому и позвонила, чтобы подробно все изложить. Вы же знаете, Даночка, я, как представитель научной элиты, привыкла относиться ко всему обстоятельно...

Ее опять прервал скрежет – наверное, лифт остановился и двери раскрылись.

– Ах, ну что такое! – воскликнула Компанеец. – На нашем этаже кто-то постоянно выкручивает лампочки. Представляете, Даночка, тут так темно, хоть глаз выколи! Ну да, от выключателя никакого толку! Так вот, этот некто позвонил мне и представился Вулком. Сказал, что он вернулся, –

занимательно, похоже, этот человек считает себя ожившим маньяком, точнее, реинкарнацией двух маньяков – Сердцеда и Климовича.

– И это все? – протянула я.

Она поспешно добавила:

– Не совсем. Так, Даночка, секундочку, мне надо найти ключи, они в сумочке, а здесь такая тьма. Он сказал, что убьет меня и вырвет мое сердце, а потом съест. И якобы случится это сегодня. Ага, нашла... Даночка, прошу вас, подождите. Мне кажется...

Профессорша понизила голос.

– Мне кажется, Даночка, что я не одна. Так и есть, кто-то спускается по лестнице. Наверняка соседи. Сейчас спрошу, не знают ли они, как нам поступить со светом в подъезде.

Я услышала далекий приветливый голос Киры:

– Добрый вечер, не могли бы вы ответить на один вопрос, я хотела бы знать...

– Кира Артемьевна! Кира Артемьевна! – я напрасно звала профессоршу. Компанеец не отвечала. До меня донесся подозрительный шум.

– Госпожа Компанеец! – мне сделалось не по себе.

Что же такое произошло в темном подъезде? Профессорша, конечно, действует мне на нервы, но это совсем не повод, чтобы... Чтобы она стала жертвой безымянного сумасшедшего, который уверен, что он – живое воплощение двух Вулков!

Мне никто не отвечал. Трубка была полна шорохов, а затем запищала гудками отбоя. Через пару секунд телефон снова зазвонил. Я, схватив трубку, закричала:

– Госпожа Компанеец! Отзовитесь, прошу вас!

– *Кира умрет*, – донеслось до меня.

Всего два слова, но какие страшные! Я узнала голос – это Вулк!

– Что вы сказали? – оторопела я. Я не ожидала, что моим собеседником в третий раз за этот вечер станет Вулк.

– *Я убью ее*, – просвистел странный голос. – *Вырежу у нее сердце и съем его. То же я сделаю и с тобой. Скоро, скоро, скоро...*

– Ты не посмеешь, я звоню в полицию, они поймают тебя! – закричала я.

Заныли отрывистые гудки отбоя. Я судорожно набрала номер полиции и выпалила:

– Сейчас происходит убийство... Женщина, он хочет убить ее...

– Адрес, – равнодушно отозвался кто-то. – Сообщите адрес, где происходит убийство, а также свое имя, адрес и телефон.

– Адрес? – в недоумении произнесла я. – Жертву зовут Кира Артемьевна Компанеец, она – заместитель директора Института судебной психиатрии имени Фрейда, вы что, не можете узнать, где она живет, у вас же есть всевозможные базы данных...

– Адрес, – повторил бесстрастный голос.

Господи, Кира давала мне визитную карточку! Где же она? Я вспомнила, что разорвала и выбросила ее в урну. Испугав до смерти мирно работавшую за компьютером Веточку, я выскочила из кабинета и понеслась вниз. Пять пролетов я преодолела в пять секунд, распугивая коллег и гостей телецентра.

Сопровождаемая изумленными взглядами, я вывалила урну на пол и разметала по цементному полу мусор. Такое зрелище бывает не каждый день: Дана Драгомирович-Пуатье, ведущая «Файф-о-клока у герцогини», копается в смятых бумажках, яблочных огрызках, сигаретных пачках и прочей дребедени.

– Где визитка, где визитка, – бормотала я, думая, что все равно опоздала.

Вулк наверняка прикончил безобидную профессоршу. И я не смогла предотвратить это. Ах, если бы я не выбросила визитку в урну. Это вряд ли что-то изменило б, полиция приехала бы к Кире не ранее, чем через пятнадцать-двадцать минут: маньяку хватит этого времени с лихвой, чтобы...

Я не хотела думать о том, что Вулк сделал с профессоршей.

Вот она! Я нашла половину визитки, но где же вторая часть? Должна быть где-то рядом. Наконец-то!

Дрожащими руками я сложила визитку воедино. Сию секунду к телефону и звонить в полицию. Быть может, Кире

еще можно оказать посильную помощь.

Слезы брызнули у меня из глаз. На визитке значилось: «*Кира А. Компанеев, доктор психологических наук, профессор, заместитель директора Института судебной психиатрии имени З. Фрейда. Рабочий телефон: 125-98-40. Мобильный телефон: 786-53-54*».

Домашний адрес в визитке Киры указан не был. Я в изнеможении уселась на заваленный мусором пол. Слишком поздно!

* * *

– Виолетта, пили ли вы когда-нибудь кровь? – спросил вкрадчивый голос. – Вряд ли, дорогая! О, если бы вы знали, какое это неземное блаженство, когда тягучая красная жидкость струится по вашему горлу! Солоноватый вкус человеческой эссенции пьянит вас, Виолетта, вы ощущаете себя всемогущей! Жертва, беззащитная жертва, трепещущая от ужаса и осознания того, что смерть не за горами, находится в вашей власти! Вы наслаждаетесь этим!

– Достаточно, – резко произнесла доктор Виолетта Лурье. Она ощутила, что ее охватил беспричинный страх. Она не имеет права демонстрировать свою секундную слабость. Но собеседник, казалось, почуял это.

Это был мужчина лет сорока, худой, с лысеющей головой и голубыми водянистыми глазами навывкате. Он облизнулся

и потянул носом. Виолетта ощутила волну отвращения. Каждый мужчины заходил вверх-вниз, чувственные губы растянулись в плотоядной усмешке, обнажая мелкие белые зубы.

— Виолетта, вы уверены, что не хотите услышать продолжение? — спросил он. — Связанная жертва пытается освободиться от пут, а вы медленно подходите к ней. Вы читаете панический страх в ее глазах, потому что жертва понимает: вы — властелин! Вы наклоняетесь к ней, видите пульсирующую жилку на белой шее. Это — сонная артерия. Одним ловким, отточенным множеством тренировок движением вы вонзаете зубы в эту жилку, прокусываете кожу, впиваетесь в плоть и ощущаете на губах кровь, эту амброзию вечной жизни, нектар вампиров...

Виолетта Лурье встала из-за стола, который разделял ее и собеседника, и повторила:

— На сегодня достаточно!

— Ну почему же, дорогая Виолетта? — спросил изумленным тоном мужчина. — Вы же хотели знать, что я ощущал, когда совершал то, что вы и вам подобные именуют преступлениями. Меня признали рехнувшимся и до конца жизни определили в заведение, где я встретил вас, Виолетта! О, это подарок небес!

Доктор Лурье подошла к стальной двери, обшитой звукоизолирующим материалом, и нажала небольшую кнопку. Раздался приглушенный зуммер. Через секунду дверь распахнулась, возникли двое дюжих санитаров в белых костю-

мах. Виолетта молча кивнула, указывая головой на своего собеседника.

– Виолетта! – истерично завопил тот. – Вы предали меня! Вы же сказали, что хотите знать, что именно я делал с моими жертвами! Я впивался им в горло и высасывал кровь – всю до единой капли!

Санитары приподняли мужчину со стула, привинченного четырьмя огромными болтами к металлическому полу. Виолетта, прижав к груди папку, вышла из камеры.

– Я же знаю, что вы испугались! – вопил псих. – Я почувствовал это, Виолетта! Ваши зрачки расширились от ужаса, когда я описывал свои действия с жертвами! Виолетта, рано или поздно настанет и ваш час! Я мечтаю об этом – в один прекрасный момент, когда вы не будете ожидать ничего подобного, я наброшусь на вас и еще до того, как в камеру ворвутся санитары, прокушу вашу нежную шейку! Я выпью вашу кровь, Виолетта! Выпью вашу кровь, как всегда поступал со своими жертвами! Я убью вас! Я...

Фальцет умалишенного смолк: один из санитаров натянул ему на лицо резиновую маску. Доктор Лурье безучастно наблюдала за тем, как извивающегося безумца, чьи ноги были скованы металлической цепью, а руки заведены за спину и связаны широкими рукавами смиренной рубашки, волокли по коридору. Всего на одно мгновение она встретилась взглядом с глазами пациента – и похолодела. Этот взгляд словно был ей знаком.

Виолетта отвернулась, приглушенные стенания и мычание постепенно стихли, пациента увели в камеру. Она подумала о его словах – многие из тех, с кем она имеет дело, клянутся и божатся, что доберутся до нее. Виолетта знала, что, если подобная возможность им представится, они сдержат свое слово.

Справившись с волной страха, она пошла по коридору в противоположном направлении, миновала несколько камер, в которых находились такие же, как ее собеседник-вампир, личности с травмированной психикой. Андрий Ровно, преподаватель рисования в гимназии, милый и спокойный человек, любимый коллегами и боготворимый учениками, находился в их отделении уже шесть лет. Никто не подозревал, что господин учитель по ночам забавлялся тем, что выходил на охоту – отправлялся в парк, где под покровом темноты поджидал одиноких прохожих и нападал на них. Виолетта видела фотографии с места убийств – Андрий, возомнивший себя вампиром и уверовавший в то, что кровь жертв сделает его всемогущим и невидимым, лишил жизни, прежде чем его удалось задержать, семнадцать человек.

Доктор Лурье подошла к лифту, однако передумала пользоваться им и поднялась на два этажа по лестнице. Она оказалась перед двойной решеткой. Миниатюрная камера уставилась на нее. Охранник, расположившийся с противоположной стороны, приветливо ей улыбнулся.

– Сегодня вы быстро, – произнес он добродушно, отпирая

засов. – В конце рабочей недели можно себе такое позволить, доктор! И как поживает наш кровосос?

Виолетта улыбнулась и ничего не ответила. Ей совершенно не хотелось возвращаться даже в мыслях к Андрию Ровно. Она поднялась еще на этаж и очутилась в блоке, где располагались кабинеты сотрудников института. Из-за угла вынырнул высокий сутулый мужчина с седой шевелюрой и в роговых очках – директор института профессор Норберт Штайн.

– Ах, Виолетта, хорошо, что я встретился с вами, – произнес он. – Я хотел вас видеть по поводу Ровно. Мне неприятно говорить об этом, но от него мне поступила очередная жалоба на вас. Ровно утверждает, что вы намеренно натравливаете на него санитаров и подстрекаете их к использованию грубой силы. Разумеется, я понимаю, что Ровно ведет тонкую игру, цель которой – вывести вас из равновесия. Вы, как мне кажется, поддались на его провокацию, хотя врач должен относиться ко всему *aequo animo*³.

– Мне это известно, шеф, – ответила она, стараясь придать своему голосу нотки безразличия. – Но Ровно до меня не доберется.

– Вы его недооцениваете, Виолетта, – покачал головой Штайн. – Вам же известно, что пациенты, в том числе и Ровно, *mane et nocte*⁴ пытаются нащупать вашу ахиллесову пяту и...

³ Спокойно, равнодушно (*лат.*).

⁴ Днем и ночью (*лат.*).

– Именно эта нездоровая страсть к моей персоне, а также его уверенность в том, что он рано или поздно сумеет спровоцировать меня, обеспечивают успех нашему общению, – ответила Виолетта. – В обмен на призрачную надежду впиться мне в горло Ровно проявляет потрясающую кооперативность.

Профессор Штайн с сомнением заметил:

– Виолетта, вы сами не заметили того, как начали играть по правилам, навязанным вам пациентом. Это всегда чревато негативными последствиями. Я не отрицаю, что с Ровно вам удалось добиться весьма ощутимых положительных результатов, но не хочу, чтобы вы позволяли этому сумасшедшему запугивать вас. Если хотите, можете на время прекратить общение с ним – *proprio motu*⁵, так сказать.

– Уверяю вас, шеф, он меня не запугивает! – заявила Виолетта. – И если им займется кто-либо другой, то безумец уверится в том, что победил.

Директор института внимательно посмотрел на доктора Лурье и заметил:

– Мы еще вернемся к этой теме. *Ad vocem*⁶, в понедельник состоится внеочередная планерка. Виолетта, не упускайте из виду, что именно вы, а не пациенты задают тон! Как бы они себя ни вели, как бы ни старались подавить вас, блеснуть эрудицией, у вас имеется неоспоримое преимущество: вы –

⁵ По собственному почину (*лат.*).

⁶ Кстати (*лат.*).

нормальны, а все те, кто сидят в камерах, безумны! Желаю вам хороших выходных!

Профессор пошел дальше по коридору, Виолетта вынула из кармана халата ключ, отперла дверь кабинета и проскользнула внутрь. Захлопнув дверь, она прислонилась к двери спиной и задумалась. Шеф прав – Ровно удалось нагнать на нее страху. И он знал это. Он наслаждался тем, что запугивал Виолетту. Но шеф прав – Ровно безумен, и она не позволит ему устанавливать правила игры! Безумен, безумен, безумен... Эта мысль крутилась в ее голове.

Виолетта глубоко вздохнула и зашла в небольшую смежную комнатку, где располагались туалет, умывальник и душевая кабинка. Стены комнатки были выложены фиолетовым кафелем, и каждый раз, когда Виолетта заходила туда, она испытывала смутное чувство тревоги. Фиолетовый кафель с черными разводами. Точно такой же, как у них дома, – но этого дома давно нет, и квартира другая... Одна и та же картинка вспыхивала у нее в мозгу...

Доктор Лурье открыла кран, пустив тугую струю, смочила кончики пальцев. Из овального зеркала на нее смотрело отражение молодой женщины с вьющимися каштановыми волосами, собранными в пучок. За стеклами очков в стальной оправе блестели карие глаза. В течение пяти минут она несколько раз тщательно намылила руки и так же тщательно вымыла их.

Рабочий день закончился. Вытерев руки бумажной сал-

феткой, Виолетта сняла белый халат и осталась в бежевом брючном костюме. Наконец-то пятница! Она всю неделю мечтала о том, что настанут два долгожданных дня свободы!

Но вместо облегчения Виолетта ощутила новый приступ страха.

Она подошла к письменному столу, уселась в вертящееся кресло перед компьютером и задумалась. Начиная с понедельника она ждала пятницу, и вот этот день настал, но она не ощущает ничего, кроме разочарования, пустоты и страха. Когда-то это должно прекратиться! Ей надо взять себя в руки, иначе...

Виолетта заметила почту – видимо, ее разносили во второй половине дня. Она быстро просмотрела поступления на свое имя: несколько научных брошюр, сборник статей на психологические темы, автореферат чьей-то кандидатской диссертации, открытка...

Открытка? Доктор Лурье вытащила разноцветный прямоугольник из-под груды бумаг. Она не знала ни единого человека, который бы мог отправить ей открытку на адрес института.

На ней был изображен Санта-Клаус с мешком подарков и елкой на плече. Кто-то явно перепутал сезон: до Нового года и Рождества еще два месяца!

Санта-Клаус! Тревожное воспоминание вырвалось из лабиринта памяти. Доктор Лурье вздрогнула. О нет, это в далеком прошлом! Нет, нет, и отчего она вспомнила об этом?

Чудный Санта-Клаус? Посмотри, какой у него красный нос! И какой смешной колпак! А в мешке наверняка подарки для такой послушной девочки, как ты, Виолетта!

Никто не знает об этом! Никто – кроме нее самой! Никто и не должен знать! Эта открытка наверняка адресована не ей. Виолетта включила радио, ей было необходимо расслабиться.

– Значит, у вас имеется вопрос к Серафиме Ильиничне Гиппиус?

– Нет!

Нет? Виолетта почувствовала, как кожа на спине и руках собралась мурашками. Она сидела в кресле, не в состоянии сдвинуться ни на сантиметр. Боже, сделай так, чтобы все это оказалось дурным сном! Я готова еще тысячу раз войти в камеру к Андрию Ровно, но избавь меня от необходимости слышать этот голос!

Молодец, моя хорошая девочка! Папа тебя любит! Теперь это твой Санта-Клаус, возьми его! Ну-ка, иди к папе, он тебя поцелует! Если бы ты знала, Виолетта, как папа тебя любит!

– Ты хочешь знать мое имя? Ты уверена в этом? Меня зовут Вулк...

Вулк! Виолетте показалось, что она сходит с ума. Этого не может быть, билась у нее в висках мысль, этого не может быть! Неужели я давно сошла с ума и сижу в камере, обитой звуконепроницаемым материалом, в сумасшедшем до-

ме? Как еще можно объяснить... этот голос?

– Очень приятно! Так вот, уважаемый Вулк, какой у вас вопрос и к кому...

– Меня зовут Вулк Сердцеед!

Виолетта, папа тебя любит! И ты его тоже любишь, ведь так? Поэтому выпей этот коктейль. Он очень полезный! Вот и стакан! Что, коктейль тебе не нравится? Ты же любишь папу, ты сама это сказала! Ну вот и молодец, дочка! Я налью тебе еще...

– Я – Вулк Сердцеед! Но я же и Вулк Климович! Их души живут во мне! Ты в это не веришь, и никто не верит, но я – Вулк! Я вернулся!

Каждое слово отдавалось в голове у Виолетты нестерпимой вспышкой боли. Ей так хотелось выключить радио, но доктор Лурье знала: она не сможет сделать это. Виолетта словно приросла к креслу. Она должна дослушать до конца! Этот голос... Голос Вулка... Он был ей знаком! И чего бы она только не отдала, чтобы... забыть этот голос!..

Дочка, обещай мне, что, если папе придется надолго уехать, ты будешь его ждать! Ты ведь любишь папу? И папа тебя тоже очень сильно любит! Большие всего на свете! И что бы ни случилось, папа вернется, запомни это, Виолетта! Папа обязательно вернется! А теперь выпей коктейль!

...Короткие гудки, свидетельствовавшие о том, что звонивший положил трубку, показались Виолетте пушечными выстрелами. Она уже не слушала, как Дана Драгомирович

прощалась с радиослушателями.

Нет, это игра воображения! Этот голос... Она готова поклясться, что знает человека, которому он принадлежит. Но такое невозможно! Совершенно невозможно!

От глупых переживаний во рту пересохло, а спина, наоборот, взмокла. Доктор поднесла ко рту пластмассовый стаканчик с минералкой и бросила взгляд на текст открытки.

«Виолетта! Как и обещал, я вернулся! Ты была плохой девочкой и предала меня! За это я накажу тебя. Знаешь как? Я вырву твое сердце и съем его! Вулк».

Виолетта с силой выдохнула, разбрызгивая воду изо рта. Стаканчик упал на туфлю.

Пей, дочка, пей! Ты же доверяешь папе? Тогда не задавай вопросов и просто пей!

Она узнала корявый почерк на открытке. Она узнала его так же, как узнала голос по радио. И почерк, и голос принадлежали Вулку Климовичу, расстрелянному двадцать лет назад за убийство тридцати трех человек.

Вулку Климовичу – ее отцу.

* * *

Дул пронизывающий ветер. Лайма поежилась и с тоской посмотрела на кафешку, расположенную на противоположной стороне улицы. Как бы ей хотелось зайти туда, усесться за один из столиков, заказать жареную картошку с бифштекс-

сом и бутылку... нет, лучше пару бутылок старого доброго экарестского темного пива!

А вместо этого она торчит в темноте и на холоде, ожидая, пока заявится кто-нибудь из клиентов. Лайма поплотнее запахнула легкое манто – имитацию шкуры зебры, расстегнула крохотную сумочку, висевшую на плече, вытащила сигарету с ментолом и зажигалку. Если нет возможности нормально закусить и выпить, так хотя бы закурить! Отлучиться нельзя: Тихон, сутенер, изобьет!

Для Тихона виноватый всегда известен – «шлюхи»! Не поверит ведь, что клиент деньги отобрал, а если и поверит, заявит с наглой усмешкой: «Мне все равно, ты мне бабки должна, восемьдесят процентов с каждого мужика, так что давай, гони!»

Лайма шелкнула зажигалкой. Вот ведь жизнь! У нее двое малышей – Бориска во второй класс ходит, мамашку «пятерками» радуется, а с Октавией, с той беда... Но ведь не брошишь такую, своя же кровиночка, хоть и даун! А сколько денег нужно, чтобы и Бориске учебники купить, и в поездку с классом на море его отправить, и на лекарства Октавии, на нянек, которые за ней ходят, пока мамашка Лайма трудится не покладая рук. Точнее, ног, хи-хи-хи...

Ее дети ни в чем нуждаться не будут! И им краснеть не придется за то, что маманя у них... на панели работает. Лучше на панели в день столько же зарабатывать, сколько на фабрике в месяц! Так она детишек кормить может, и ника-

кой мужик-осел рядом не нужен. Сама их вырастит, сама внуков будет нянчить. Октавия даром что с синдромом Дауна, вон по телеку недавно показывали – один парень в Испании, тоже даун, в университете, как обычный студент, учится, хочет адвокатом стать, и свой рок-бэнд организовал, диск записал, концерты дает, денег много заработал. А чем ее Октавия хуже? Хотя то, конечно, Испания, а у нас – Герцогство-вакия, мать ее...

Лайма, подпрыгивая на холодном осеннем ветру, размышляла. Хорошо еще, что дождь, как вчера, не хлещет. Тихону же все равно: пурга, тайфун, цунами – стой себе и торгуй телом, ляжки показывай, жопой крути, в общем, завлекай мужиков. Что еще делать, если клиентов, этих похотливых кобелей, нету? А если клиентов нет, то и денег нету! Вот тебе и хи-хи-хи!

Чертыхнувшись, Лайма в который раз попробовала зажечь сигарету. Безрезультатно. Она швырнула позолоченную безделушку на грязный асфальт. Зажигалка, подпрыгнув и сверкнув фальшивыми самоцветами в рассеянном свете фонаря, упала на решетку канализационного стока, секунду балансировала на перекладине, а затем полетела вниз. Раздался тихий всплеск.

– Эй, тебе требуется огонь? – раздался странный сиплый голос.

Лайма в страхе обернулась. Ну надо же, не заметила, как и клиент появился. Все они такие, поганцы, или незаметно к

тебе подкрадываются, или незаметно уходят. Поэтому деньги всегда надо вперед брать – таково железное правило. А что делать, если он бумажки сначала дал, а потом забрал? Кастет, что ли, или баллончик со смесью красного перца и махорки носить?

Темная фигура замерла за фонарем. Только сильно прищурившись, Лайма смогла рассмотреть клиента – одет как-то немодно, в плащ и длиннополую шляпу. Лица вообще не видно. А, хрен с ним, в этом городе порока, как именovala Лайма Экарест, было полно извращенцев. Ей все равно, во что он одет, ведь придется в любом случае раздеваться, хи-хи-хи...

Что-то зашуршало, и вспыхнул красный огонек, на секунду осветивший голову незнакомца. Лайма заметила, что воротник плаща поднят так, что лица не разглядеть. Похоже, этот из новеньких. Раньше его не видела, а работает она на панели уже двенадцатый год, еще немного, и президент Бунич даст ей медаль «За перевыполнение сексуального плана и подвиги на невидимом фронте», хи-хи-хи... Скоро надо задуматься о пенсии. Ей ведь почти тридцать, молоденькие девицы из провинции, резвые и развязные, напирают. Вот бы завязать с панелью, заняться чем-то более прибыльным и солидным – торговлей наркотой или самой бордель открыть...

– Мерси, милашка, – сказала Лайма, зажигая сигарету. Она машинально отметила две детали – руки незнакомца были затянуты в черные перчатки и пользовался он не зажигал-

кой, а спичкой. Причем спичкой странной, какой-то большой, как в старинных фильмах.

Затянувшись, Лайма кокетливо сказала:

– А ты у нас джентльмен. Что, джентльмен хочет немного поразвлечься? Я же знаю, что хочешь! Наверняка твоя жена ничего в постели не делает. А я могу тебя утешить. Только бабки вперед! Хи-хи-хи! Деньги вперед, я сказала! – заявила Лайма.

Клиент протянул ей пачку купюр. Пересчитав их два раза, Лайма сунула банкноты на дно сумки. Проверив, что складной ножик там же (если попробует отобрать деньги – получит в глаз!), Лайма проворковала:

– Пошли, милый, у меня в домике тут неподалеку имеется уголок. Мы там все и сделаем. Только учти, все с резинкой! И не беспокойся, причиндалы у меня в комнате, хи-хи-хи!

Расстегнув фальшивое манто из зебры, Лайма подтянула чулки, предоставив клиенту возможность оценить ее ноги, а затем, виляя бедрами, направилась к подъезду. Незнакомец следовал за ней. Они поднялись на последний этаж, Лайма отомкнула облупившуюся, выкрашенную некогда зеленой краской дверь с эмалированным черно-белым номерком «89» и прошла в комнату. Она зажгла настольную лампу. Клиент вошел следом за ней. Лайма увидела, что в левой руке он держит странный саквояж.

– Что, ко мне прямиком с работы? – улыбнулась Лайма и указала на кровать, застеленную несвежим мятым бельем. –

Ну что, давай приступать, милый. Кстати, как тебя зовут?

– Вулк, – ответил незнакомец и поставил свою ношу на ко-
собоковую табуретку. Щелкнул замок – клиент распахнул сак-
вояж.

Вулк, откинув плащ с алой подкладкой, подошел к кроват-
ти. Лайма привстала, собираясь обнять клиента за шею.

– Да сними же ты свою дурацкую шляпу, а то выглядишь,
как Зорро. И мне лица твоего не видно совсем. И плащ
скинь. Ой, да ты в маске! Что за чудеса! Впрочем, у тебя ведь
не лицо – главная рабочая часть, хи-хи-хи... Давай я тебе
расстегну...

Вулк толкнул Лайму, она полетела на кровать, ударив-
шись затылком о стену, оклеенную выцветшими обоями си-
него цвета в косую белую полосу.

– Эй, мы так не договаривались, Вулк! – запричитала Лай-
ма. – Если хочешь садо-мазо-игры, то обойдется это тебе
в два раза дороже. Причем платить надо до начала сеанса!
Иначе никаких хи-хи!

Левая ладонь Вулка впилась Лайме в горло, вжимая ее в
кровать. Лайма попыталась сопротивляться, но клиент был
намного сильнее. Она захрипела и с ужасом увидела, как из-
под плаща вынырнула правая рука клиента. В ней был зажат
остро заточенный хирургический скальпель.

– Меня зовут Вулк, – просипел незванный гость, и Лайма
попыталась завизжать, но из горла, сжатого стальной хват-
кой, послышался только жалкий свист.

Женщина поняла, что пошли прахом мечты о собственном прибыльном бизнесе: не будет этого, как не будет и университетского образования для малышки Октавии и шалопая Бориски. Ничего больше не будет!

А через мгновение скальпель пронзил грудную клетку Лаймы.

Дана

31 октября – 1 ноября

Беспомощность – вот самое страшное чувство, которое может завладеть человеческой душой. Беспомощность лишает людей инициативы и отбирает надежду. Беспомощность губительна для логического мышления. Однако в особых, редких случаях беспомощность заставляет человека действовать, хотя бы и с осознанием того, что ничего изменить нельзя.

Когда в коридоре телецентра я поняла, что адрес профессора на визитке не значится и спасти ее от сумасшедшего, который представился Вулком, нет ни малейшей возможности, я ринулась к парковке, а оттуда, на машине, отправилась в Институт судебной психиатрии. Путешествие показалось мне бесконечным, плача за рулем, я думала о том, что в жизни все относительно – еще полчаса назад я отдала бы душу за то, чтобы кто-нибудь прикончил болтливую и до ужаса занудную профессоршу, но теперь... Когда мне стало ясно, что тип, возомнивший себя воплощением Сердцеда и Климовича, собирается вырезать Кире сердце, мои нервы сдали. В телефонной книге, которую по моему приказу разыскала исполнительная Вета, имелось множество личностей по фамилии Компанеец, однако Кира, по всей видимости, предпо-

чала, чтобы ее номера там не было. Если так, то мне оставалось одно – отправиться в путь!

Институт имени Фрейда – огромное многоэтажное здание, выстроенное в имперском стиле во времена диктатора Теодора Хомучека, – всегда навевал на меня не самые радужные мысли. Этот замок графа Дракулы был известен каждому в Экаресте: на подземных этажах института располагаются блоки, в которых размещены самые опасные и жестокие психопаты страны. Родители пугают непослушных детей не Серым волком, Бармалеем или Бабой-Ягой, а тем, что отведут их в институт и оставят там, – подобные зловещие фразы всегда оказывали нужное воздействие, и бедный ребенок, представивший, как безжалостные родители заводят его в темный коридор, в конце которого беснуются косматые сумасшедшие, всегда шел на уступки и съедал геркулесовую кашу, прекращал капризничать или моментально убирал разбросанные игрушки.

Моя железная савраска в два счета взлетела на холм, и я миновала ворота высотой метров в пять или шесть. На мое счастье, они были распахнуты, а табличка гласила, что в пятницу институт закрывается в восемнадцать часов. Было около половины десятого. Я сообщила охранникам, что желаю побеседовать с кем-либо из руководства, если оно еще на месте, и, усевшись в кресло в вестибюле, принялась ждать. Время тянулось нескончаемо долго.

Наконец послышался мелодичный голос:

– Добрый вечер, чем я могу вам помочь?

Обернувшись, я увидела высокую молодую женщину с каштановыми волосами, забранными в пучок, и в очках в стальной оправе. Дамочка выглядела немного уставшей, а круги под глазами свидетельствовали о том, что в последнее время она мало спит.

Табличка на ее груди гласила: «Доктор Виолетта Лурье, заместитель директора».

– Меня зовут Дана Драгомирович-Пуатье, – заявила я без обиняков. – И вы должны помочь мне!

Как я не без неудовольствия отметила, мое имя произвело на симпатичную докторшу странное воздействие. Виолетта широко распахнула на мгновение глаза, в них отразился безграничный ужас. Через секунду она взяла себя в руки и ровным голосом произнесла:

– Я очень люблю вашу передачу «Файф-о-клок у герцогини»!

Ура! Меня не приняли за умалишенную, один – ноль в мою пользу!

– Вот и отлично, доктор Лурье, – проникновенно заговорила я. – Быть может, вы слышали мою сегодняшнюю передачу?

Виолетта снова переменилась в лице, как будто хлебнула уксусу. Вероятнее всего, она не входит в число моих безоговорочных фанаток.

– Нет, – быстро ответила она. – Я... работала. Так чем я

могу помочь вам, госпожа Драгомирович?

Отмахнувшись от официального обращения, я заявила:

– Доктор, прошу вас, зовите меня просто Даной! Скажите, у вас в институте работает профессор Кира Компанеец?

– Ну конечно, – ответила Виолетта, и в ее глазах снова засветился страх. – Однако, боюсь, ее сейчас нет. Она... У нее выходной день!

У меня создалось впечатление, что миловидная докторша что-то скрывает. Какая разница, теперь не до этого!

– Мне нужен ее домашний адрес! – крикнула я. – Понимаю, что это звучит несколько странно, но ей грозит смертельная опасность. А ваши охранники уверены, что я сошла с ума!

Виолетта взяла меня под руку, кивнула охранникам, и мы прошли в холл института. Опустившись на кожаный диван, предназначенный для посетителей, и пригласив последовать ее примеру, доктор спросила:

– Что вас заставляет так думать? Почему вы решили, что профессору Компанеец грозит опасность?

– Кира была у меня на программе, речь шла о маньяках. Туда позвонил один странный субъект, заявивший, что он – живое воплощение Вулка Сердцееда и Климовича. Имена вам наверняка известны, в особенности последнего. Доктор, вам плохо?

Я отметила, что при упоминании имен маньяков Виолетта смертельно побледнела. Что ж за чувствительные психи-

аторши пошли!

– Так вот, этот странный субъект терроризировал меня звонками, и, как выяснилось, он положил глаз на профессора Компанеец – по мобильному она успела мне сказать, что входит к себе в подъезд, поднимается на лифте на этаж, а потом, потом... Потом я снова услышала странный нечеловеческий голос – он заявил, что убьет профессоршу и... съест ее сердце!

Виолетта сравнилась по цвету со стенами института. Мне показалось, что еще немного, и она упадет в обморок. Неужели у меня такой талант рассказчицы, что повествование произвело на нее столь неизгладимое впечатление? Что-то раньше не замечала за собой подобного!

– Эй, доктор! – тряхнула я Виолетту Лурье за плечо.

Она словно вышла из транса, лицо залил слабый румянец, а за стеклами очков мелькнули слезы. Похоже, бедняжка вконец расстроилась.

– Не время рассиживаться, – провозгласила я. – Кире требуется моя... наша помощь! Этот Вулк...

Докторша покачнулась, ее лицо снова побледнело. Ну и работницы в Институте Фрейда! И как только она может общаться со всеми сумасшедшими типами, которые сидят здесь где-то в подвале!

– Доктор! – я как следует тряхнула Виолетту. – Вы знаете, где живет профессор Компанеец?

– К сожалению, нет, – прошептала та. – Но могу узнать,

честное слово!

– Вот и отлично! – воскликнула я. – Давайте, приступайте к выяснению ее адреса, причем немедленно! Я жду вас в холле!

Виолетта, которая, как мне почудилось, была сбита с толку моим сумбурным рассказом и еще более сумбурным требованием, удалилась. Я считала секунды, кусая губы. Вулк давно расправился с Кирой, это надо воспринимать как данность. И то, что я примчалась в институт и пытаюсь узнать ее адрес, не более чем лейкопластырь для душевных ран.

– Прошу вас, – произнесла, появившись, Виолетта и подала мне записную книжку в темно-красном кожаном переплете. – Смотрите под буквой «К».

Я быстро нашла Киру Компанеец. Слава богу, имелся и ее домашний адрес! Я бросилась к будке охранника и потребовала телефон. Тот, обменявшись с Виолеттой взглядами, дал мне пищущую трубку. Я быстро набрала номер полиции и сказала:

– Произошло убийство. Да, да, я не ошибаюсь! Высылайте наряд полиции, а также карету «Скорой помощи» по следующему адресу...

– Дана, разрешите предложить вам чашку кофе, хотя нет, лучше чая с лимоном и четырьмя ложками сахара, – произнесла Виолетта Лурье. – Уверена, что вы сделали все, что в ваших силах! Полиция займется этим!

– Неправда! – давась слезами, возразила я. – Профессор

Компанеец... Вулк наверняка расправился с ней! Не скажу, что она – самый приятный собеседник, но это не причина вырезать ей сердце!

Переговорив с охранниками, Виолетта взяла меня под руку, и мы прошли мимо застекленной будки охранника к лифту. Доктор правильно сделала, что не пыталась меня успокоить. Я проревела несколько минут, затем, икая, вспомнила о том, что выгляжу наверняка не самым лучшим образом, и с радостью и благодарностью приняла бумажный носовой платок, протянутый мне Виолеттой.

До моего слуха донесся приглушенный вопль, перешедший в утробный хохот и кашель. Я в страхе обернулась.

Виолетта заявила:

– Не стоит беспокоиться, Дана, это наши пациенты развлекаются. Вам же известно, что внизу, на подземных этажах, располагаются камеры для умалишенных преступников.

– А Вулк тоже здесь сидел? – спросила я.

Виолетта вздрогнула. И почему имя давно умершего убийцы производит на нее столь магическое воздействие?

Мы оказались около двери с табличкой: «Доктор Виолетта Лурье». Докторша отомкнула ее, и мы прошли в уютный кабинет. Она немедленно поставила греться электрический чайник, по-домашнему зашумевший, передо мной оказалась большая кружка с изображением улыбающихся красных сердечек. Извинившись, я отправилась в ванную комнату, где привела себя в порядок. Еще бы, как я и опасалась, тушь по-

текла, волосы растрепались, помада размазалась: походила я больше на болотную кикимору, чем на Дану-герцогиню.

Вернувшись в кабинет, я взяла бокал с душистым чаем и увесистым ломтиком лимона (хозяйственная Виолетта приготовила это в мое отсутствие), сделала глоток – горячая сладкая жидкость придала мне уверенности в себе. Мне сделалось невыносимо горько – несмотря на все усилия, Кира Компанеец стала жертвой сумасшедшего убийцы!

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – сказала я, прихлебывая чай. – Виолетта... Вы ведь не возражаете, если я буду вас так называть, в конце концов, мы – ровесницы... Так вот, Виолетта, неужели и Вулк сидел в подземелье вашего института?

Доктор покачала головой и ответила, отводя глаза:

– Какое-то время, вы правы, Вулк Климович, а ведь именно о нем вы ведете речь, находился в Институте имени Фрейда. Здесь проводились различного рода тесты, отсюда же его увезли на процесс. А потом переместили в одну из провинциальных спецтюрем, где... где и расстреляли!

Виолетта опустила голову и часто задышала.

Затем, явно не желая развивать тему маньяков, схватила трубку и набрала номер.

– Шеф, добрый вечер, извините, что беспокою вас, однако у нас чрезвычайная ситуация. Нет, в институте все в полном порядке, никаких эксцессов. Профессор Компанеец... Да, да, она была сегодня на программе... Как вы любите по-

вторять – сообщу вам все in brevi⁷. Вынуждена довести до вашего сведения, что на Киру Артемьевну, вероятнее всего, совершено нападение... Полиция в курсе. Я пока что на рабочем месте. Конечно, буду благодарна, если вы перезвоните, когда что-нибудь узнаете. Я жду.

Вздыхнув, Виолетта положила трубку и сообщила:

– Мой шеф, директор института Норберт Штайн, обещал немедленно выяснить, что случилось с Кирой Артемьевной. У него имеются высокопоставленные друзья в Министерстве внутренних дел, так что ему не составит труда получить самую свежую информацию. Он обещал перезвонить мне через некоторое время.

Я осмотрелась – по стенам тянулись полки, заставленные книгами, в основном монографиями по психиатрии и сборниками статей. На столе возвышался плоский монитор компьютера и изогнутая черная клавиатура. Я украдкой посмотрела на руки Виолетты – судя по всему, украшений она не признает, хотя отсутствие обручального кольца не значит, что она одинока. Наверняка у такой симпатичной дамы имеется друг, возможно, даже не один.

– Это ваша матушка? – спросила я, заметив около монитора фотографию седой женщины в серебряной рамке.

Невинный вопрос напугал Виолетту. Она схватила фотографию, положила ее изображением вниз на полированную поверхность стола и кратко ответила:

⁷ Вкратце (лат.).

– Да.

Хм, атмосфера не располагает к интимности!

– А ваш папа? – продолжила я светскую беседу. Не говорить же о том, в самом деле, что случилось с Кирой Компанец: меня как-то не прельщало обсуждение животрепещущей темы – как маньяк убил ее: вырезав сердце или иным способом.

Виолетта вздрогнула, чашка, которую она держала в руке, качнулась, доктор пролила горячую жидкость себе на халат.

– Мои родители уже много лет в разводе, – произнесла она странным тоном. – С моим отцом я не общаюсь...

– Ах, извините, я совсем не хотела смущать вас своими назойливыми вопросами!

Виолетта, казалось, не слышала меня. Поставив чашку на блюдечко, она выдохнула:

– И кроме того, он давно умер. Очень давно. Очень!

– Пардон, – снова вставила я.

Похоже, тема семейных отношений для нее была весьма чувствительной. Мне повезло – мои родители живут далеко от Экареста, на одном из крошечных островов в Полинезии, где предаются жизни, полной неги.

Неловкую паузу прервал звонок телефона. Виолетта взяла трубку.

– Доктор Лурье, – произнесла она. Послышался бас директора института, я напрягла слух, однако смысла разговора уловить не смогла. Виолетта внимательно слушала то, что

говорил ей профессор Штайн, водя карандашом по листку бумаги.

– Да, да, да... Конечно, шеф... Да, да, да... Разумеется, шеф. Да, да, да. Обязательно. Да, да, да...

Односложные фразы, при помощи которых Виолетта переговаривалась с начальником, рассмешили меня. Наконец она положила трубку.

– Вы забыли добавить: «Будет сделано, шеф», – произнесла я.

Доктор на секунду уставилась на меня непонимающим взором, а затем улыбнулась – впервые за весь вечер. Я в очередной раз подумала, что симпатичная Виолетта должна пользоваться небывалым успехом у коллег-мужчин. Или она принадлежит к той категории ученых дам, которые отдают всю энергию карьере? Как профессор Кира...

Она, сняв очки и потерев переносицу, медленно произнесла:

– Полиция нашла ее. Около двери собственной квартиры...

– Вулк не пощадил ее... – пробормотала я потрясенно.

– Его спугнули, – сказала Виолетта, и я, не веря своим ушам, переспросила:

– Вы хотите сказать, что Кира жива?

– Кира Артемьевна жива и невредима, – произнесла Виолетта, и на секунду мне показалось, что в ее голосе сквозит разочарование. Да нет, это все слуховые галлюцинации!

– Она была без сознания, а на шее – свежая царапина от холодного оружия, однако Компанеец не пострадала, – продолжала Виолетта. – Сосед с собакой спускался по лестнице и слышал, как кто-то спешно убегает при его появлении. Этого субъекта он не видел, был уверен, что на профессора Компанеец напал грабитель. И только потом сосед понял, что спас ее от смерти. Однако нападавший украл у нее из портфеля дискету с романом!

Я в изнеможении отхлебнула остывающий чай и пробормотала:

– Ему не повезло с собакой во второй раз. Хм, а это интересно!

– Что? – округлила глаза Виолетта.

Я пояснила:

– Вам наверняка известно, что Вулка Климовича задержали благодаря тому, что он обидел таксу соседки, и дама вызвала полицию. Тот, кто напал на профессоршу, вообразил себя последователем обоих Вулков. Собака опять перечеркнула планы убийцы!

Не дослушав меня, Виолетта поднялась и скрылась в ванной комнате. Я так и не поняла – неужели мое замечание было нетактичным? Мой взгляд случайно упал на лист, покрытый узорами и буквами, – во время разговора по телефону доктор, как и многие из нас, водила карандашом по бумаге. Буквы складывались в слова, и эти слова привлекли мое внимание. Я схватила лист и поднесла его к глазам. Он пестрел

одной и той же фразой: «Я вернулся. Вулк».

Мне стало не по себе. Что это должно значить? Или Лурье, кандидат медицинских наук, всерьез верит в то, что человек, напавший на профессора Компанеец, – оживший дух обоих Вулков? Воровато оглянувшись, я перевернула бумаги на столе Виолетты и даже заглянула в ящики стола. Из ванной доносилось шуршание воды, стекающей в раковину. Ничего занимательного, служебные документы, гранки статьи, учебники. А вот в последнем ящике меня ждал сюрприз – поверх блестящей папки лежала открытка с изображением веселого Санта-Клауса. Моя рука непроизвольно потянулась к ней. Ну-ка, посмотрим, кто пишет любезности в адрес рыжеволосой Виолетты.

«Виолетта! Как и обещал, я вернулся! Ты была плохой девочкой и предала меня! За это я накажу тебя. Знаешь как? Я вырву твое сердце и съем его! Вулк».

Право же, что за идиотская шутка! Я взглянула на почтовый штемпель – Виолетта получила открытку сегодня. Отправитель указан не был. Только одно имя – Вулк! Слишком много совпадений! Вулк – имя в Герцословакии не самое редкое, хотя в последние годы родители предпочитают вычурных «Эдуардов-Александров», экзотических «Мануэлей-Карлосов» или совсем уж непонятных «Коста-Санта-Доминго».

Но почему в ящике стола Виолетты Лурье лежит открытка, в которой неизвестный, подписавшийся Вулком, обещает

вырвать ей сердце и съесть его?

– Что вы делаете? – раздался изумленный голос Виолетты.

Я с разинутым ртом повернулась и увидела докторшу, вышедшую из ванной комнаты.

– Я... хотела... ммм.... нда...

Докторша подскочила ко мне и вырвала открытку, которую я держала в руке.

– Можете не трудиться изобретением очередной лжи, – сказала Виолетта. – Вы рылись в моих бумагах и лазили по ящикам! Я была лучшего мнения о вас, госпожа Драгомирович! А теперь, когда все выяснилось, прошу вас немедленно покинуть мой кабинет и здание института.

Мне сделалось стыдно – но не за то, что я перетрясала содержимое письменного стола Лурье, а за то, что так по-детски попалась. Лучшая защита, как известно, нападение, поэтому, выхватив у изумленной Виолетты открытку с Санта-Клаусом, я помахала ею перед носом докторши и заявила:

– Во-первых, я никуда не пойду, Виолетта! Во-вторых, мы выяснили еще далеко не все. В-третьих, мы решили называть друг друга по имени!

Она опешила от такого хамства, а в глазах ее я снова увидела страх.

– Итак, пока вы не скажете мне, откуда у вас эта открытка и кто ее написал, я не покину ваш кабинет, и никакая охрана вам не поможет, – провозгласила я и уселась в кресло. – Кстати, чай вы делаете неплохой, я не откажусь еще от одно-

го стаканчика!

Виолетта провела тыльной стороной ладони по лбу и изменившимся голосом сказала:

– Мои очки... Они где-то на столе...

– Прощу вас, – я протянула ей очки. – Успокойтесь и говорите правду! Считайте, что я – ваш священник, Виолетта.

Пару мгновений она колебалась, видимо, размышляя, стоит ли говорить мне правду или нет, а потом выдала:

– С какой стати я должна оправдываться перед вами, Дана? А что касается открытки, то это... шутка моего бывшего друга!

– Хороша же шутка! – парировала я. – Вам грозят вырвать сердце и съесть его – это что, новый способ признаться в любви до гроба, доктор?

Виолетта Лурье опустила в кресло и произнесла тихим голосом:

– Дана, вы правы. Эта открытка написана не моим другом.

– Не вашим бывшим другом, – подсказала я.

Виолетта, не заметив реплики, продолжала:

– Но я знаю человека, который ее отослал. Я его знала...

– Так вы знали его или знаете? – полюбопытствовала я нетерпеливо.

Доктор Лурье прошептала:

– Это Вулк Климович.

– Ну надо же! – захохотала я. – Виолетта, вы решили потчевать меня древними сказочками? Вулка Климовича рас-

стреляли лет двадцать назад. Или вы хотите сказать, что нерасторопная герцословацкая почта только сейчас доставила вам открытку, которую маньяк-людоед отправил двадцать лет назад? Виолетта, говорите же правду!

Доктор, глядя в пол, ответила:

– Уверяю вас, Дана, это – почерк и стиль Вулка Климовича.

– Так я вам и поверила, – заявила я, чувствуя, что мне сделалось страшно.

За окном царила непроглядная ночь, а в подвалах института завывал один из пациентов.

– Мертвецы, если хотят вступить в контакт с нами, живыми, не посылают открытки! Для передачи их посланий имеются медиумы, гадалки, чревовещатели, хироманты, астрологи и прочая шарлатанская братия.

Виолетта внезапно подняла на меня глаза, и я увидела, что они полны слез.

– Вы ничего не понимаете, – сказала она хрипло. – Эта открытка написана Вулком Климовичем. Я в этом уверена потому, что он... он... он – мой отец!

Мертвящая, полная безнадежной печали тишина повисла в кабинете доктора Виолетты Лурье. Я с ужасом и любопытством посмотрела на эту красивую молодую женщину. Неужели...

– Вы думаете, неужели моим отцом является самый кровавый маньяк в истории нашей страны? – произнесла доктор,

смотря мне в глаза.

Я отвела взгляд. Разве она виновата в том, что ее отец был чудовищем? Я быстро подсчитала в уме: Вулка Климовича казнили двадцать лет назад, Виолетте под тридцать, соответственно, отца она знала еще маленькой девочкой. Когда думаешь о жестоких убийцах, на совести которых иногда многие десятки человеческих жизней, всегда оставляешь без внимания, что субъект, именуемый газетами и телевидением «беспощадным монстром», «порождением преисподней», «бешеной гиеной», является чьим-то сыном, мужем и, возможно, отцом.

– Э... Вы не шутите? – я не смогла пролепетать ничего более оригинального.

Виолетта тяжело вздохнула и заметила:

– Вы сказали, что хотите еще чаю?

Снова зашумел электрочайник, я опустилась в кресло. Доктор уселась напротив и сказала:

– Я взяла мамину фамилию. После процесса над отцом... Вулком Климовичем... она была вынуждена развестись с ним. Мама любила его, и мне кажется, что даже страшная правда о его деяниях не заставила ее изменить мнение о... Вулке.

– Ваша мама жива? – спросила я, понимая, как тяжело Виолетте изливать душу незнакомому человеку, который к тому же является ведущей пустоватой программы на развлекательном радиоканале.

– Она умерла четыре года назад, – просто ответила доктор. – Опухоль мозга, диагностированная слишком поздно. Всего полгода – и ее не стало.

Я придвинулась к ней и потрепала ее по плечу.

– Нет, не надо! – несколько грубо оттолкнула мою руку Виолетта. В ее глазах мелькнуло нечто похожее на гнев. – Я не хочу, чтобы меня жалели! Когда отца... Вулка арестовали, мне было восемь лет. Какой ребенок в таком возрасте способен в полной мере понять, что такое «массовые убийства в особо жестокой форме». А мне пришлось понять это! Все – соседи, друзья семьи, которые немедленно прервали с нами контакт, учителя в моей школе, одноклассники, их родители – все тарасились на меня, как на диковинного зверя... Нет, как на прокаженную, словно удивляясь, что я еще жива!

Виолетта всхлипнула, но, справившись со слезами, продолжила:

– В школе я оставалась после ареста Вулка всего неделю, и ее я запомнила на всю жизнь. Моя лучшая подруга Альбертина, с которой мы всегда были неразлучны, как сестры-близняшки, которой я доверяла все свои секреты и которая поклялась, что никогда не предаст меня, заявила на уроке, в присутствии всего класса, что не желает сидеть со мной за одной партой, и демонстративно отсела. Наша классная руководительница проявила максимум понимания – она поддержала Альбертину, а затем по настоятельным требованиям учащихся собрала внеочередное родительское собра-

ние, вердикт которого был неутешителен: все присутствовавшие были против того, чтобы я, дочь убийцы, училась в классе с их чадами! Директриса пыталась уверить родителей, что никакой моей вины нет и что подвергать меня бойкоту не соответствует социалистическим идеалам. Кто-то из влиятельных папаш, имевших знакомых среди власть имущих, надавил на директрису, и та, вызвав к себе в кабинет меня вместе с мамой, пряча глаза и постоянно подливая себе воды в стакан, заявила, что лучший для меня выход – на время покинуть школу. Мне без разговоров выписали справку о мнимой болезни и освободили от школьных занятий до конца года.

Да, система в который раз проявила полное безразличие к человеческой судьбе! Однако будем откровенны – была бы я сама согласна с тем, чтобы моя возлюбленная дочурка или любимый сынишка сидели за одной партой или ходили в один класс с девочкой, чей отец убил тридцать трех человек и съел их сердца? Конечно же, на Виолетту нельзя возлагать ответственность за деяния Вулка Климовича, но на месте родителей я бы поступила точно так же и голосовала обеими руками за то, чтобы Виолетта покинула класс! Вне всяких сомнений, это жестоко, антипедагогично и аморально, но ребенок дороже всего!

– Если бы только фактическое отчисление из школы, – заметила Виолетта, откинувшись на спинку кресла. – В последний день, когда я пришла туда, меня ждал «сюрприз» – в

моем шкафчике в раздевалке кто-то сломал замок, а снаружи на створку двери приклеил большой плакат, изображавший, по мнению детей, моего отца – косматую рожу то ли черта, то ли демона с загнутыми бараньими рогами, кривыми желтыми клыками и выпученными безумными глазами. А на двери красной краской было написано: «Дочь людоеда!»

Я обеспокоенно заерзала в кресле. Дети, которым подобную идею подбросил кто-то из взрослых, не знали пощады. Каюсь, но если бы Виолетта, с которой мы практически ровесницы, ходила в мою школу, то я была бы в числе активистов по гонениям на нее!

– Во время уроков мои одноклассники, с которыми у меня всегда были отличные отношения, вели себя ужасным образом, демонстрируя свою неприязнь. Мне в затылок стреляли жеваной промокашкой через трубочки, сиденье измазали чернилами, высморкались в тетрадку. Учителя делали вид, что ничего не замечают, а я понимала, что они полностью одобряют поступки детей! Еще бы, ведь мой отец был не просто проворовавшимся директором овощной базы, пьяным лихачом, сбившим пешехода, или противником коммунистического режима, – он был убийцей! Хотя в газетах следствие по делу отца освещалось крайне скупо, «брехучий телефон» работал безотказно. Впрочем, в случае с Вулком даже ничего не требовалось выдумывать – деяния моего отца были настолько мерзки и жестоки, что никто не смог бы изобрести подобное!

– Виолетта, может быть, вам не стоит... – вставила я, но она не обратила на мою слабую попытку остановить поток воспоминаний ни малейшего внимания.

– Знаете, Дана, что произошло после окончания последнего в тот день урока – физкультуры? Во время занятия меня то и дело ударяли в спину, якобы случайно, несколько раз швыряли в лицо мяч, толкали на пол. А потом, в раздевалке... Мои подруги оплевали меня и отобрали одежду, оставив абсолютно голой. Затем в раздевалку ввалились мальчишки, тыкавшие в меня пальцами, нагло гоготавшие и рассуждавшие о том, помогала ли я отцу освежевывать трупы. А учитель все не появлялся, он сидел у себя в комнатке, заполнял журнал и делал вид, что не имеет ни малейшего представления о происходящем. Не знаю, сколько это длилось, мне показалось, что целую вечность. Только появление уборщицы с ведром и шваброй положило конец этому ужасу.

Я, испытывая непонятное чувство вины, кашлянула. В отличие от Виолетты, в школе у меня никогда не возникало проблем, я была заводилой и главой одной из самых могущественных подростковых группировок, которая – каюсь! – третировала слабых.

– Ну, а дальше все было очень просто, – сказала Виолетта абсолютно спокойным тоном. – Вулка признали виновным и расстреляли, мама развелась с ним еще до приведения приговора в исполнение – все оформили в течение двух дней, и ей выдали новый паспорт, где стояла ее старая фамилия:

она перестала быть Мартиной Климович, а стала Мартиной Лурье. Вскоре мы переехали из Экареста в провинциальный городок у моря, где я снова пошла в школу. Никто не подозревал о том, что мой отец – Вулк. Мама всем говорила, что ее муж погиб во время несчастного случая на химическом комбинате. Я с отличием окончила школу и, несмотря на сопротивление со стороны мамы, выбрала стезю психиатра. Она до последнего дня была уверена, что это они, врачи, виноваты в смерти Вулка – его признали вменяемым и расстреляли, хотя, вероятнее всего, мой отец был вне себя и его надлежало заключить в психиатрическую лечебницу.

Виолетта замолчала, я не знала, что сказать. Чтобы сгладить неловкость, я взяла чашку с чаем, сделала большой глоток и взвыла от боли – как я могла забыть, что это кипяток! Моя неловкость сняла напряжение.

Зазвонил телефон, Виолетта снова выслушала рассказ своего шефа и, повесив трубку, пояснила:

– Профессор Компанеец помещена в мемориальный больничный комплекс. С ней все в порядке, если не считать шока и легких повреждений в области шеи.

– Я навещу Киру! – воскликнула я и, повинувшись внезапному импульсу, добавила: – Уверена, что профессор будет рада и вашему визиту, Виолетта! Вы ведь с ней коллеги.

– Конечно, – сказала та, и мне показалось, что тон ее несколько фальшив. – Кира Артемьевна – великолепный специалист, одна из ведущих ученых в области психологии

серийных маньяков.

Виолетта что-то от меня скрывала.

— Профессор Штайн сказал, что полиция занимается исследованием нападения на Киру Артемьевну. И вроде бы... вроде бы первоначальная версия о том, что сосед с собакой спугнул бандита, не подтверждается. Теперь исходят из того, что этот субъект... добровольно принял решение не причинять вреда профессору Компанеец. И...

— Что еще? — я наострила уши.

Лурье замаялась, решая, стоит ли посвящать меня в детали, известные только следствию.

— Нападавший оставил записку со словами: *«Ты меня убил. Но я вернулся. Твой черед еще придет»*. И подпись...

— Вулк! — выдохнула я. — Как занимательно, Виолетта. Ой, извините! Этот тип воображает себя Вулком Сердцеедом и одновременно вашим отцом! Уверена, что полиции не составит труда найти этого шизика!

Доктор Лурье произнесла:

— Я каждый день имею дело с, мягко говоря, невропатическими личностями, Дана. В большинстве своем мы, то есть те, кого принято именовать безликим словом «нормальные», уверены в своем превосходстве. Многие из сумасшедших на редкость хитры, а по уровню интеллекта намного превосходят нас. Недооценивать их опасно!

Мне стало не по себе. Я, повинаясь журналистскому инстинкту, задала абсолютно бестактный вопрос:

– Виолетта, а вы любили его? И не жалели ли вы, что... что вас лишили отца?

– Вулк Климович совершил преступления, которым нет прощения, и он понес за них заслуженное наказание, – отчеканила, как будто читая книгу, Виолетта.

– Да, но, к примеру, дети некоторых нацистских преступников, на совести которых уничтожение миллионов невинных, уверяют, что их отцы были любящими, добрыми и вообще – лучшими из лучших!

Виолетта не пожелала продолжать беседу. Зазвонил телефон, на этот раз мой мобильный. Я услышала кудахтающий голосок Веточки:

– Дана, где ты? Ты умчалась так стремительно. С тобой все в порядке?

Суетливая, назойливая, бестактная Вета, которую я нежно люблю как младшую сестренку! И так же, как туповатую и нерасторопную младшую сестренку, ненавижу! Кто еще позвонит мне на мобильный и поинтересуется, все ли со мной в порядке?

– Все в порядке, Веточка, – сказала я. – Я ушла по-английски, потому что... мне требовалось решить одну проблему.

– Ты готовишь новую сенсационную передачу? – в голосе Веты сквозило благоговение.

– Что-то в этом роде, – ответила я.

– Ой, как классно! Только, прошу тебя, сегодня больше ни одной сигаретки! Это же так вредно!

Не стоит ей пока говорить, что я пыталась остановить убийцу и познакомилась с дочкой маньяка, – Веточка, особа на редкость неуклюжая, пугливая и анемичная, питает глубокую неприязнь к грызунам, лающим собакам и курящим мужчинам, а однажды, увидев на столе крошечного паучка, который свалился с потолка, подняла такой визг, что к ней в кабинет сбежалось полтелецентра – многие думали, что нас взяли в заложники бородатые террористы.

– Дана, а мне можно уходить? – задала она виноватым голосом коронный вопрос.

– Ты еще на работе? – завопила я. Часы показывали половину одиннадцатого. – Марш домой, Веточка, и учти, я позвоню через сорок минут и проверю – ты должна быть в пижаме в своей уютной кровати вместе с плюшевым мишкой!

Прочитав секретарше наставления и дав «честное пионерское», что курить больше сегодня не буду, я заявила, обращаясь к доктору Лурье:

– Предлагаю съездить завтра утром к Кире. Мне все равно требуется быть в телецентре не раньше полудня.

– Но моя работа... – попыталась сопротивляться Виолетта.

Отчего-то она не хотела принести хвостатый ананас и пару плюшек нудной профессорше. Я тоже отправлялась к Кире не из чувства человеколюбия: мне требовалось узнать эксклюзивные подробности нападения!

– Возьмите отгул, ваш шеф поймет! – успокоила я ее. –

Хотите, я с ним сама поговорю? – И спросила у Виолетты: – Как вы думаете, кто стоит за всем этим? Я склоняюсь к мысли, что это – проделки вошедшего в фазу пубертата подростка.

Виолетта резко ответила:

– Я так не думаю!

– Но тогда кто? – меня разбирало любопытство. – Вы ведь эксперт, Виолетта! Отчего кто-то решил копировать убийства Вулка Сердцеда и вашего папы? Впрочем, кишка у этого незадачливого копииста оказалась тонка – даже Киру как следует прирезать не смог! Этот самоназванный Вулк, как и все мужчины, хвастлив, чванлив и никогда не выполняет обещанного женщине!

Виолетта схватила меня за руку и прошептала:

– Дана, не шутите так! Клянусь вам, что я узнала голос. Голос вы можете вспомнить, если услышите его десятилетия спустя.

– Так что же с голосом? – беспечно заявила я. – Если вы знаете, кому из ваших знакомых или, возможно, экс-пациентов он принадлежит, тогда позвоните в полицию, и мерзавца арестуют. Он что, сидел у вас в психушке?

Доктор Лурье сняла очки и, близоруко шурясь, ответила:

– Я готова поклясться, что и голос, и почерк принадлежат моему отцу, Вулку Климовичу!

В голове у меня была каша.

– Но уважаемая госпожа доктор, ваш отец Вулк Климо-

вич, согласно приговору народного суда Социалистической Конфедерации Герцословакия, был расстрелян двадцать лет назад.

– Во время оглашения приговора мой отец... он кричал, что вернется и отомстит всем, кто разрушил его жизнь, – сдавленным шепотом сказала Виолетта. – Я посещала архивы и рылась в документах. Все его угрозы зафиксированы в стенограмме. Профессор Компанеец была в комиссии психиатров, которые пришли к выводу о вменяемости Вулка, что, в свою очередь, привело к его казни.

– И вы хотите сказать, что ваш батюшка восстал из мертвых, дабы мстить за поруганную честь? Он вселился в тело какого-нибудь бедолаги, овладел его разумом, к нему присоединился и мятежный дух Вулка Сердцеда, убивавшего проституток в 1923 году? И вся эта гоп-компания шастает по современному Экаресту в поисках виновных?

Виолетта сердито парировала:

– Задача следствия – установить личность виновного. Я же могу дать руку на отсечение, что это был голос моего отца! И почерк на открытке тоже его!

– Этого не может быть! – отрезала я, чувствуя, что мне сделалось не по себе. В подземных казематах Института судебной психиатрии бесновался кто-то из пациентов, завывая по-волчьи и перемежая это диким, нечеловеческим хохотом.

– Тишайший и милейший человек, – повторила я, внимая переливам волчьего воя. – Доктор, а вам не страшно рабо-

тать в подобном месте?

– Нет, я привыкла, – ответила Виолетта, но в ее глазах мелькнули зловещие искорки. – Моя задача – не карать или осуждать наших пациентов, а облегчать их страдания и вникать в суть их проблем, чтобы эффективно бороться с подобными явлениями у других людей.

Я взяла домашний телефон Виолетты Лурье, мы договорились, что навестим профессора Компанеев в девять утра. Доктор проводила меня до выхода, я миновала надутых охранников, показала им язык и поехала домой.

Только в пути я ощутила усталость и напряжение последних часов. Сколько же всего произошло! Я все возвращалась в мыслях к разговору с Виолеттой. Она уверена, что слышала голос отца, а субъект, напавший на профессоршу, подаёт себя, как реинкарнацию двух Вулков. Наверняка Виолетта ошиблась – она ведь пережила так много, поэтому не исключено, что подсознание сыграло с ней жестокую шутку: подспудно страдая от отсутствия отца и одновременно вынужденная его ненавидеть, Виолетта искала Вулка, и когда неуравновешенный тип заявил на всю страну, что он – Климович, наступило временное затмение разума, и доктор уверила саму себя, что услышала голос отца.

Обитала я в элитном жилом комплексе под названием «Авалон» – судя по всему, архитектор был большим поклонником фэнтези. Бетонно-стеклянная башня располагалась на берегу Экарест-реки. Я миновала шлагбаум с постом

охраны и прошла в холл, выложенный цветными мраморными плитами. Вулк, даже если захочет, не проникнет ко мне в апартаменты – в отличие от здания, где жила Кира, «Авалом» охранялся на редкость добросовестно.

Через минуту я была дома. Первым делом я приготовила себе чашку крепчайшего эспresso и включила компакт-диск с ноктюрнами Шопена. Удостоверившись, что на автоответчике только два сообщения (причем оба – от разумницы Веточки, напоминавшей, что курить... мда...), я позвонила малышке, пожелала ей спокойной ночи и, прихватив начатую бутылку белого вина, отправилась принимать ванну. Погрузившись в горячую воду, покрытую радужной пеной, я прокрутила в уме сценарий завтрашней программы. Отпивая из бокала вино, я никак не могла забыть события прошедшего дня. Мне даже показалось, что кто-то смотрит мне в затылок, поэтому пришлось поменять позу в ванне и развернуться к двери лицом. Страх не исчез, он перебрался на периферию сознания. Опустошив бутылку, я самоизвлеклась из остывающей воды и облачилась в махровый халат.

Часы показывали без пяти час, я включила телевизор. Новости уже прошли, уступив место старым фильмам ужасов, второсортным триллерам и эротическим «шедеврам». Я остановила свой выбор на третьей части «Кошмара на улице Вязов»: красномордый дядя Фредди Крюгер, которому не помешало бы почаще пользоваться кремом против обветривания и пилингом с абрикосовыми косточками, гонялся по

котельной за очередной чересчур грудастой школьницей-переростком. И в итоге прикончил Лолиту, выпрыгнув на нее из клубов пара и вонзив в грудь стальные когти. Подобные сцены меня всегда забавляли. Монстр в старой шляпе и полосатом свитере давно превратился в комического персонажа и, вместо того чтобы нагонять страх, заставлял смеяться. Или в жизни всегда так: то, что вначале кажется нам пугающим, превращается со временем, от переизбытка страха, в смешное? В случае с Фредди в подобной реакции виноват клишированный сценарий, навязчивый пиар и безбожная эксплуатация запоминающегося образа. Хотя в одном создатели киноэпопеи о Фредди правы – море крови всегда привлекает к себе внимание толпы и служит великолепной рекламой всяческой чуши.

Мне подумалось, что ситуация с Вулком сходная: кто-то пытается уверить общественность в том, что Сердцеед и Климович воскресли, вернее, слились воедино. Дешевый пиар! Мне стало стыдно за свои страхи, хотя непонятное мерзкое чувство, как скользкая змея, притаилась где-то в душе.

Я не заметила, как заснула в мягком кресле. В себя я пришла от какого-то постороннего шума. Встрепенувшись, я на мгновение поверила, что ко мне в квартиру проник Вулк. Потом я поняла, насколько смешны мои страхи – Фредди закончился, его сменили девицы с силиконовыми прелестями, соблазнявшие бравых полицейских. Терпеть это было не в моих силах, я решила отправиться в постель.

Сонливость, как это и бывает после недолгого, но интенсивного всхрапа, исчезла, однако стрелки часов убедили меня, что пора баиньки. Я же обещала Виолетте Лурье в девять часов как штык прибыть в мемориальную больницу. А сейчас без семи минут два.

Я направила свои стопы в спальню и, проходя мимо резного столика, заметила, что мигает красная лампочка автоответчика. Пока я проспала большую часть злодеяний Фредди, кто-то позвонил мне. О, только бы не беспокойная Веточка, готовая осчастливить меня своей «гениальной» идеей в три часа ночи и желающая напомнить, что капля никотина убивает тираннозавра. Или это доктор Лурье, которая отчего-то не горит желанием навестить профессоршу. Они что, на ножах?

Почесав левую пятку, я решила заслушать сообщение. Я нажала клавишу, раздалось шипение и хрипы, и знакомый сиплый голос оповестил:

– Дана, я рад, что ты снова внимаешь моим словам. Ты познакомилась с моей дочкой, она ведь красавица, правда? Но это не убережет ее от трагического финала – открою тебе свое сокровенное желание: я всегда хотел убить ее! И скоро, очень скоро, я это сделаю. Но прежде я разделаюсь с Кирой. И с тобой. Уверен, что ваши сердца придутся мне по вкусу! Кстати, жди сюрприза! Доброй тебе ночи и сладких грез, Дана! До скорой встречи. Твой Вулк.

В глазах у меня потемнело, я пошатнулась и, не удержав-

шись, шлепнулась на мягкий пушистый ковер. Как этот сумасшедший узнал мой телефонный номер?

Я стерла запись, вырвала телефонную вилку из розетки и отправилась на второй этаж, чтобы пасть в объятия Морфея. Но заснуть я, конечно же, не смогла.

Я проворочалась с боку на бок до начала четвертого. Несмотря на приказ телу расслабиться, мой мозг лихорадочно анализировал события. Время от времени я приподнимала голову, поглядывая на второй телефонный аппарат, установленный на трюмо у изголовья. Время тянулось нескончаемо медленно. Без десяти четыре я поднялась с кровати и спустилась на кухню. Что меня так взбудоражило – кофе, знакомство с Виолеттой или... телефонный звонок человека, заявившего, что он – расстрелянный два десятилетия назад Вулк Климович? Ах да, Климович вкупе с Сердцеedom.

Усевшись перед компьютером, я зашла в Интернет и попыталась разыскать информацию об обоих Вулках. Машина выдала мне массу полезных и бесполезных сведений, причем большая часть фактов имела отношение к папаше Виолетты.

Я лицезрела его фотографию – крупный, рослый мужчина с лысой головой, квадратной челюстью и удивительно красивыми карими глазами. О Вулке Климовиче было написано несколько книг и даже снят фильм. Как и говорила Кира, младенца Вулка (надо же, и маньяки, как, впрочем, и безжалостные диктаторы наподобие Мао, Гитлера, Сталина или Пол-Пота, были когда-то розовощекими младенцами!)

нашли в шляпной коробке, которую кто-то подложил в детский приют осенью 1925 года. Интересно, а если бы младенца так и не нашли и он бы умер, не было ли это наилучшим решением? Но кто мог знать, что из брошенного на произвол судьбы и обреченного неизвестными родителями на смерть малыша вырастет жестокий маньяк-каннибал!

Климович учился на повара, но по специальности работал недолго (о, жуткая ирония – поварские навыки он потом использовал при расчленении жертв). Судя по всему, свое первое убийство он совершил в 1943 году в возрасте семнадцати лет – после явления ему во сне Сердцеда. Климович утверждал, что жертвой была девочка-цыганка. В Герцословакии, оккупированной в то время войсками Третьего рейха, никому не было дела до смерти представительницы так называемой «нации бастардов». Вулк впоследствии заявлял, что сделал это, желая утолить голод: детский дом, где он воспитывался, был расформирован, Климович, чтобы не идти на фронт сражаться за идеалы бесноватого фюрера, сбежал и скрывался в трущобах и лесах. Вулк заявил следователям, что съел все внутренние органы своей первой жертвы, в особенности ему понравилось сердце. Факт этого убийства доказать не удалось, но никто не сомневался, что Вулк не обманывал. Затем последовал перерыв – война закончилась, монархия пала, Герцословакия начала строить социализм. Вулк отслужил в армии и поступил в кулинарное училище. По его словам, в период с 1945 по 1954 год он убил

еще дюжину человек, сердца которых съел, а остальное мясо выгодно продал. В 1954 году его арестовали за спекуляцию мясными изделиями, приговорили к трем с половиной годам лагерей, два с половиной из которых Вулк честно оттрубил и был досрочно освобожден за образцовое поведение. С 1954 по 1976 год он, по собственному заявлению, вел ничем не примечательную жизнь, подался на стройку, где скоро стал прорабом и, о ирония судьбы, строил помпезное здание Верховного суда Герцословакии, где его судили и приговорили к расстрелу. Климович был образцовым гражданином, нелюдимым и некомпанейским, однако непьющим и следящим за здоровьем.

Женился он поздно, в 1973 году, однако вел, с коммунистической точки зрения, как до свадьбы, так и после нее на редкость разгульный образ жизни – встречался с дамами, часто замужними, приставал к женщинам на улицах и даже снял квартиру, где регулярно устраивал оргии – а также хранил в холодильнике части тел жертв. И женщины, как ни прискорбно, были от Вулка без ума, прельщаясь то ли его удивительными карими глазами, то ли ненасытным сексуальным темпераментом! О его семье не было ни слова, только в одной из статей фраза о том, что жена Климовича развелась с ним еще до вынесения судом приговора. В середине семидесятых Климович, который к тому времени уже давно подумывал возобновить кровавые пиршества, пришел к выводу, что от старости и физического распада его спасет одно

– регулярное поглощение человеческой плоти, в частности сердец, в которых, согласно мифологии многих народностей, сконцентрирована душа и телесная сила. В марте 1976 года он вышел на тропу войны и совершил первое убийство из нового цикла. Так длилось девять лет, до ареста Климовича 19 июля 1985 года. Ага, в каждом сообщении встречался весьма важный пункт: «Вулк Климович был расстрелян в ночь с 24 на 25 декабря 1985 года».

О его не менее знаменитом, но так и не идентифицированном собрате, Вулке Сердцеде, информации было гораздо меньше. В основном несколько стандартных предложений: восемь жертв – девиц легкого поведения – с ноября по декабрь 1923 года, особо жестокая манера убивать, игры в «кошки-мышки» с прессой (некто, заявлявший, что он – Сердцеде, переписывался с редакцией одной из экарестских желтых газет, после того как листок выразил сомнения в обоснованности претензий автора на личину Вулка, журналисты получили посылку – в ней лежало сердце одной из жертв со следами укуса). Жестокость убийств возрастала в хронологическом порядке – если у первых жертв были вынуты сердца, то две последние дамы были превращены почти в фарш, а внутренности раскиданы по комнате. Как обычно, к этому прилагался список возможных кандидатов в Сердцееды – лейб-медик профессор Вадуц, наследный принц Венцеслав, известный художник-дадаист, шеф столичной полиции, студент-алкоголик, подозрительный мясник, разорив-

шийся аптекарь, польский эмигрант и русский фельдшер, попавший позднее в психушку, молодой воспитатель, уволенный из мужской гимназии за недостойные действия в отношении своих подопечных, смертельно больной стряпчий, несколько анархистов и революционеров и прочая, прочая, прочая.

На одном из сайтов, посвященных наиболее известным серийным убийцам, Вулку Сердцееду было отведено достойное место в компании Джека Потрошителя, «дяди Фрица» Хаармана⁸, Чарльза Мэнсона⁹, Андрея Чикатило и иных кровавых упырей. Там же я обнаружила и несколько старых фотографий: каморка одной из проституток – грубо сколоченный стол, кровать, залитая чем-то черным (конечно же, кровью), удрученный полицейский, а на стене – слова, выведенные кровью: *«Это – третья жертва! Часть сердца я съел, остаток же дарю полиции. Поймите меня, если смо-*

⁸ Фридрих («дядя Фриц») Хаарман, прозванный «ганноверским вампиром», в начале двадцатых годов XX века лишил жизни не менее двух дюжин молодых людей, которым, по собственному признанию, прокусывал сонную артерию. Мясо жертв он, по слухам, продавал на рынках, а кости выбрасывал в реку; был обезглавлен в 1925 году.

⁹ Чарльз Мэнсон, американский музыкант-сатанист, основатель т.н. «Manson Family», своего рода секты, последователи которой в конце шестидесятых годов XX века совершили с ведома и одобрения своего «ментора» ряд жесточайших убийств (в августе 1969 г. одной из жертв стала беременная актриса Шэрон Тэйт, жена известного режиссера Романа Полански); Мэнсон, исполнявший роль «духовного наставника» и сам убийств не совершавший, был приговорен в 1970 году к пожизненному заключению, которое отбывает и поныне.

жете! Нежно любящий вас Вулк Сердцеед». На столе было заметно нечто, напоминающее корнеплод, – это и была часть человеческого сердца.

Другая фотография изображала жертву преступления – лицо молодой женщины обезображено (маньяк выколол ей глаза, выбил передние зубы, исполосовал щеки и лоб), а затем взрезал ее, причем тогдашние эксперты установили, что весьма профессионально, как сделал бы это хорошо разбирающийся в анатомии и имевший опыт в обращении с трупами человек. Впрочем, был ли Вулк человеком? Глава столичной полиции, увидев изуродованную жертву, потрясенно заявил: «Это деяния не человека, а дьявола!»

Имевший опыт в обращении с трупами... Что за чудовищная фраза! Ведь именно Вулк и сделал несчастных девиц трупами! Последнее убийство произошло 25 декабря 1923 года. Я вздрогнула и раскрыла свернутый документ, посвященный Вулку Климовичу. Так и есть, Климовича расстреляли в ночь с 24 на 25 декабря 1985 года. История любит подобные зловещие ухмылки: Сердцеед прекратил свою кошмарную деятельность ровно за 62 года до того, как был казнен Климович, утверждавший, что является сыном и реинкарнацией первого Вулка. Жуткое совпадение. Или, подумалось мне внезапно, это вовсе и не совпадение?

Зевнув, я почувствовала долгожданную усталость. Я решила не подниматься в спальню, а прилегла на диване в гостиной. Долго мучиться мне не пришлось – заснула я момен-

тально. Разбудил меня мелодичный звонок в дверь. Я потянулась и посмотрела на часы – было около восьми. Через час мне надлежало быть в больнице!

Босиком я подбежала к двери и посмотрела в глазок. В коридоре стоял молодой человек в униформе, державший в руках пакет. Я раскрыла дверь.

– Госпожа Драгомирович-Пуатье? – спросил он и, получив утвердительный ответ, пояснил: – Служба доставки почтовых сообщений! На ваше имя поступил пакет.

Я пожала плечами и, расписавшись, получила небольшую коробку. Курьер удалился, а я, закрыв дверь, прошла на кухню. Мое имя и адрес были отпечатаны на квадратном листке бумаги, приклеенном к коробке. Отправитель не значился. Интересно, это от кого? И по какому поводу? До моего дня рождения еще далеко. Или я пропустила какой-либо праздник?

Я включила радио: шел сюжет о нападении на профессора Компанеца и похищении у нее дискеты с романом про двух Вулков. Вооружившись ножницами, я вскрыла пакет и извлекла из него нечто, завернутое в тонкую бумагу. Сорвав ее, я обнаружила пластмассовую коробочку.

Ко дну ее липкой лентой был приклеен конверт. На нем значилось мое имя. Почерк показался мне смутно знакомым, и, только разорвав конверт, я поняла, кто является автором.

«Дана! Я обещал, что ты получишь небольшой, но чрезвычайно приятный сюрприз. Я сдержал слово – убил! Учи

– тебе осталось недолго наслаждаться жизнью! Я сделаю с тобой то же, что сделал с моей первой жертвой. Ибо я вернулся! Любящий тебя до мозга костей Вулк».

Сумасшедший продолжает терроризировать меня! От ночных страхов не осталось и следа. Я и поверить не могла, что всего пару часов назад тряслась от ужаса и воображала, что кто-то бродит по квартире с твердым намерением вырвать мое сердце.

Так что же Вулк прислал мне? Первым делом я налила себе в бокал кофе, сдобрила его сливками и сахаром, тщательно размешала и, усевшись на высокую табуретку перед барной стойкой, придвинула к себе пластмассовую коробку. В ней находилось что-то небольших размеров. Не без труда я поддела ногтями крышку. Вообще-то стоило вызвать полицию, наверняка этот лопух Вулк оставил где-нибудь свои отпечатки. Я так и сделаю, но прежде мне хотелось во что бы то ни стало взглянуть на его «сюрприз».

Если до этого я считала Вулка назойливым, но по сути своей безобидным малым, то «сюрприз», лежавший на дне коробочки для хранения пищевых продуктов, полностью переменял мое мнение. Я придвинулась к барной стойке и еще раз взглянула на содержимое посылки.

Нет, я не страдала галлюцинациями, и разбушевавшееся воображение не сыграло со мной злую шутку. В лужице свернувшейся крови лежало сердце. Отчего-то я не сомневалась, что оно принадлежало не животному, а человеку! Мне

сделалось дурно, и я, подавив рвотный рефлекс, бросилась к телефону. Страх снова объял меня, на глаза навернулись слезы. Боже мой, этот зверь совершил убийство! Я не сомневалась, что вновь объявившийся Вулк поступил так же, как и его знаменитые предшественники, – он вынул сердце из груди почти живой жертвы!

– Полиция? – спросила я, набрав дрожащими пальцами знакомый с детства телефон из трех цифр. – Мне срочно требуется помощь! Я получила посылку от человека, воображающего себя Вулком Сердцеедом и Вулком Климовичем. Да, да, вы не ослышались. В посылке находится человеческое сердце! Немедленно приезжайте!

Инспектор Кранах

1 ноября

Инспектор Фердинанд Кранах припарковал свою старую белую «Тойоту» в неподобающем месте – другого выхода не оставалось. Часы показывали половину шестого утра, и звонок о том, что в одном из домов Ист-Энда обнаружен труп зверски убитой женщины, вырвал его из тревожного короткого сна.

Кранах, высокий мужчина лет тридцати пяти, с трехдневной щетиной на щеках и короткими, жесткими, как проволока, темными волосами, в которых пробивалась ранняя седина, облаченный в помятый черный плащ с красным шарфом и кожаные перчатки, подошел к оцепленному полицейскими и огороженному по периметру желтой лентой с надписью **«Место преступления. Вход строго запрещен. Полиция Экареста»** подъезду пятиэтажного панельного дома. Несмотря на ранний час, около фонаря, ярко освещавшего пятачок перед входом в подъезд, толпилось десятка два зевак – в основном девиц легкого поведения, бомжей и алкоголиков. За прошедшие сто лет мало что изменилось – Ист-Энд, как и в начале двадцатого века, был кварталом сомнительных развлечений, секс-шопов, баров и клубов с подозрительной репутацией и местом обитания великого множества

«ночных бабочек». Ситуацию пытались исправить еще герцословацкие короли, правившие страной до 1947 года, но потерпели поражение, и даже коммунистические лидеры, пришедшие им на смену, не смогли с корнем вырвать сорную траву: в те времена проституция была уголовно наказуема, старинные кособокие домишки в Ист-Энде снесли, заменив их страшными стандартными пятиэтажками, в которых поселили ударников социалистического труда и матерей-одиночек.

Через несколько лет власти столицы с удивлением и негодованием заметили, что в Ист-Энде, который планировалось сделать местом жительства образцовых коммунистов, за закрытыми дверями и плотно опущенными шторами вовсю процветает порок. Как из небытия, словно притягиваемые аурой прежних развеселых времен, в Ист-Энде возникли замаскированные под сауны, маникюрные и массажные салоны бордели, центры по продаже наркотиков, запрещенной порнографической литературы, казино, перевалочные базы фальшивомонетчиков, фарцовщиков и мошенников.

Борьба с ними велась с переменным успехом, многие самоназванные властители Ист-Энда исчезли в тюрьмах и лагерях, но на их место приходили другие, поддерживавшие дружеские отношения с членами Политбюро и их детьми, стремившимися к официально запрещенным в коммунистической Герцословакии удовольствиям. Ходили слухи, что единственная дочь престарелого генерального секретаря бы-

вала частым гостем в Ист-Энде, как и представители бомонда, у которых прогулка по экарестскому кварталу развлечений считалась высшим шиком.

После краха коммунизма Ист-Энд дал новые всходы, подобно ядовитым грибам, чьи споры оказались на навозной куче, – не прошло и пары месяцев после провозглашения в стране демократии и многопартийной системы, как последние честные граждане покинули этот район, вытесненные угрозами и страшной ночной жизнью. Ист-Энд обрел официальный статус огромного притона. Самые гнусные преступления происходили именно там, но и самые большие деньги зарабатывали там. Согласно слухам, кое-кто из руководителей страны и столицы получал колоссальные прибыли и являлся владельцем множества злачных заведений в Ист-Энде.

– О, доброе утро, инспектор! – сказал один из полицейских, поеживаясь. – Ребята уже работают.

Он приподнял желтую ленту, пропуская Фердинанда Крамнах к подъезду. Инспектор слышал обрывки разговоров, которые вели между собой проститутки и бездомные.

– Как пить дать, Лайму кокнули. Только ее и не хватает. Она же на последнем этаже снимает комнатуху.

– Ее, ее пришили, я точно знаю! Ее Тихон нашел – вернулся из кабака, а Лаймы нет. Девчонки, конечно же, сказали, что она с клиентом ушла, а он не поверил. Знает эти трюки. Ну, и отправился к ней в квартирку. Я сама видела, как он

опрометью из подъезда через пять минут вылетел, весь трясется, харя перекошенная и бледная, как будто с призраком столкнулся.

– Ого, и что же такое произошло, чтобы Тихон полицаев вызвал? Если клиент Лайму зазвездчил, он бы без лишнего шума и гама спустил ее тело в канализацию или утопил в реке.

– Судачат, что там настоящий маньяк потрудился. Тихон труханул, решил: наверняка, если он от тела избавится, а потом это всплывет, он станет первым подозреваемым.

– Может, он полицаев для отвода глаз вызвал, алиби себе создает. Вроде того: вот, смотрите, какой я законопослушный гражданин, пришел к Лайме, а она мертвая! А он сам ее до этого и порешил?

– Если Тихона засадят, никто плакать не будет. А Лайме вот не повезло. Славной и компанейской девкой была, справедливой и доброй, правда, чуток нервной, но что поделать, у нее же дочка даун. Да и мальчишка в школу ходит. И кто теперь будет за ними смотреть? Наверняка в сиротский дом отправят. А она так их любила...

Инспектор Кранах, прибыв на место преступления, всегда прислушивался к разговорам, которые велись в толпе зевак, зачастую так можно было узнать очень много полезных сведений.

Он прошел к подъезду с облупившимся козырьком, там был еще один полицейский.

– Доброе утро, инспектор, вы позавтракали? – спросил он.
Кранах ответил:

– Не успел, только проглотил стакан сока и бутерброд с колбасой наспех.

– Ну и хорошо, – произнес одобрительно полицейский, – а то картинка в квартире жертвы, скажу вам, не из приятных. Я без малого двадцать лет ищачу, думал, что все на свете повидал и ничем меня больше не проймешь, но такое... Меня наизнанку вывернуло, когда я увидел эту несчастную. Вернее, то, что от нее осталось!

Фердинанд Кранах резво поднялся на последний этаж, крайняя дверь справа была распахнута настежь. Несколько человек стояли на лестничной клетке и молча курили.

– Инспектор, доброе утро! – сказал один из них, невысокий тонкий голубоглазый блондин лет двадцати с небольшим в короткой коричневой замшевой куртке. – Хотите?

Он протянул Кранаху красно-белую пачку сигарет. Тот покачал головой и ответил:

– Нет, Марек, я же бросил. Ты произвел осмотр места преступления?

Блондин Марек, помощник инспектора Кранаха, тяжело вздохнул и, глубоко затянувшись, ответил:

– Я тоже думал, что бросил. Полтора месяца продержался, самое страшное уже позади, считал, что избавился от дурной привычки. Но когда посмотрел на девицу, которую он здесь искромсал, так курить потянуло, что я не сдержался.

– Он? – изогнул бровь инспектор Кранах. – Убийца уже пойман? Если так, то отчего вызвали меня?

Кранах считался одним из лучших полицейских столицы, его никто не любил из-за неуживчивого характера и ярко выраженного индивидуализма, зачастую переходящего в эгоизм, но уважали за блестящие аналитические способности, презрение к опасности и способность докопаться до подоплеки любого преступления, каким бы сложным и запутанным оно ни было. Инспектор специализировался на раскрытии убийств, совершенных серийными маньяками, и считался лучшим и незаменимым. Он мог в открытую грубить начальству, не подчиняться ему, а однажды, несмотря на приказ с самого верха, довел до завершения дело о тройном убийстве, установив, что виновным является сын вице-премьера страны. Кранаха едва не лишил жизни наемный убийца, который должен был положить конец его настырным изысканиям. Инспектор только чудом выжил, а история стала достоянием общественности: сын вице-премьера получил пожизненное заключение, его отец потерял теплое кресло.

Кранах справедливо считался одной из звезд столичной криминальной полиции. Даже недруги признавали, что слава не вскружила ему голову и не сделала его заносчивым, впрочем, характер у инспектора был несахарный. Не так давно, к его большому неудовольствию, к Кранаху приставили энергичного стажера Марека, в чьи обязанности входило не только перенимать опыт знаменитого коллеги, но и сделать

того менее заносчивым.

Инспектор, раскусив планы начальства в две секунды, сначала игнорировал исполнительного, но не блещущего умом Марека, затем завалил его бумажной работой и доверил юноше пополнение базы данных на компьютере, с чем тот справился на удивление быстро, и в итоге понял – гениальный сыщик из стажера не выйдет, но тот вполне сгодится на роль расторопного помощника. Марек, с щенячьей восторженностью относившийся к легендарному инспектору, внимал каждому его слову, старался подражать ему в манере говорить и вести себя и каждый день по двадцать раз интересовался, когда же он получит возможность заняться «настоящим делом» – не копаться в документах или компьютере, а наконец-то выехать на место кровавого преступления.

Инспектор Кранах, которому надоел постоянный скулеж Марека, заявил, что тот готов к тому, чтобы сопровождать его, и уверил, что «следующее убийство – твой шанс отличиться». Марек воспрял духом и воодушевился, выразив желание, чтобы убийство было покроватее. Похоже, наивные мечты стажера сбылись.

Миновав Марека и прочих полицейских, Фердинанд Кранах переступил через порог квартиры. Ему часто приходилось бывать в подобных халупах – многие из них стали арендой беспощадных преступлений.

В крошечной прихожей инспектор столкнулся с судеб-

но-медицинским экспертом, полным плешивым доктором лет шестидесяти. Тот как раз выходил из ванной комнаты.

– Ах, Фердинанд, доброе утро, – произнес он.

Инспектор в свойственной ему хамоватой манере пробурчал:

– За последние пять минут я слышу это идиотское приветствие черт знает в какой раз, доктор. Или утро в самом деле такое доброе?

Эксперт хмыкнул, потер запястьем правой руки, обтянутой эластичной перчаткой из латекса, крыло орлиного носа и ответил:

– Я бы так не сказал, инспектор. Кто-то приложил массу усилий, чтобы разделать несчастную проститутку. Когда я вошел в комнату, у меня создалось впечатление, что я попал на бойню. Изобретательный малый этот Вулк. Впрочем, вы сами можете лицезреть сей, с позволения сказать, пейзаж, вернее, натюрморт – живого там, в комнате, убийца ничего не оставил!

Судмедэксперт расхохотался собственной шутке, а инспектор Кранах прошел в единственную комнату квартиры. Тело лежало на кровати, над ним склонился пожилой фотограф, делавший серию снимков.

Доктор не преувеличивал: комната представляла собой кабинет ужаса. Создавалось впечатление, что кто-то опрокинул на пол и стены ведро багровой краски, но специфический запах не оставлял сомнений – это была кровь.

Инспектор внимательно обвел взглядом помещение и, повернувшись, обнаружил на стене, к которой он стоял спиной, расплывшиеся буквы. Доктор, усмехнувшись, заметил:

– Этот тип оставил нам эпистолярное наследие. Уверю вас, надпись сделана ее кровью, – он указал рукой на жертву.

Крахах подошел к стене, оклеенной выцветшими синими обоями в косую белую полосу, и прочитал: *«Я вернулся! Первое сердце я преподнесу в качестве подарка – остальные съем! На этот раз меня не остановить, ибо я воскрес из мертвых! Я – Вулк Сердцеед, но я же – Вулк Климович!»*

– Оригинально, не правда ли? – заметил доктор. – Я сразу же понял, что сей тип копирует убийства Сердцееда. Тот, помнится, тоже оставлял на стенах надписи человеческой кровью и грозился потребить сердца на завтрак. Наверняка сумасшедший, ведь так, инспектор?

Фердинанд Крахах, не отвечая, подошел к жертве. Судебно-медицинский эксперт внимательно следил за лицом инспектора и подивился тому, что оно ничего не выражает – ни страха, ни отвращения, ни удивления. Вот ведь какая выдержка, подумалось доктору. Крахах склонился над телом женщины.

– Уверен, что убийца использовал хирургический инструментарий, в частности скальпель. Причем он сделал это не абы как, а со знанием дела. Как видите, Вулк, я буду называть его так, как он сам того пожелал, вскрыл несчастную путану, как треску, от шеи до лобка. Я произвел поверхностный

осмотр, внутренние органы отсутствуют, в том числе и сердце. Некоторые из потрохов наш молодчик оставил в комнате, в непосредственной близости от бывшей хозяйки оных.

Кранах увидел деревянный стол, на котором возвышалось несколько бутылок, лежала половина багета, были рассыпаны упаковки презервативов. И там же, словно выставленные на витрине, лежали человеческие внутренности.

– Печень, селезенка, большая часть кишечника и правое легкое, – прокомментировал доктор. – А вот обе почки бесследно исчезли, как и сердце. Рискну предположить, что Вулк прихватил их с собой в качестве трофеев.

Внимание Кранаха что-то привлекло, он осторожно нагнулся и заглянул под кровать, на которой лежала жертва. Он извлек оттуда окровавленный скальпель.

– Ваши люди прошляпили важную улику, – сказал он, обращаясь к одному из полицейских чинов.

Тот покраснел и замотал головой. Скальпель опустили в пластмассовую банку. Доктор, повертев ее в руках, причмокнул губами и сказал:

– Вероятнее всего, при помощи этого инструментика Вулк и взрезал девицу. Произошло сие не раньше одиннадцати, но не позже двух ночи. Точно сказать не могу, так как время смерти определяют посредством измерения температуры печени. Но в абсолютном большинстве случаев печень у мертвеца находится в теле. А с этой девицей, как вы имели возможность лично убедиться, ситуация несколько иная. Не

раньше одиннадцати, никак не раньше, вот что я скажу! Чтобы сделать окончательные выводы, потребуется подвергнуть вскрытию и без того вскрытую проститутку!

Судмедэксперт снова закудаhtал, возникший в комнате Марек с гордостью произнес:

– Инспектор, вы нашли чрезвычайно важную улику! Не исключено, что на скальпеле сохранились отпечатки пальцев убийцы! Ему не повезло, что он допустил такую непростительную оплошность!

– Он намеренно оставил скальпель в комнате, – сказал хрипло Фердинанд Кранах. – И не думаю, что на нем обнаружатся отпечатки пальцев. Он начал игру, ставка в которой – человеческие жизни. Ему нужно признание и слава. Этот Вулк тщеславен, как стареющая примадонна. Кто она?

Марек судорожно сглотнул и, широко раскрыв голубые глаза, осторожно спросил:

– Кого вы имеете в виду, инспектор?

– Ну разумеется, не английскую королеву, – отрезал Кранах. – Женщина, кто она? У нее есть имя и фамилия?

– Лайма Бареева, – сказал один из полицейских. – Ее обнаружил...

– ...сутенер, мне это известно, – оборвал его инспектор. Марек и судмедэксперт переглянулись.

– Инспектор, а откуда вам это известно? – задал вопрос стажер, и его взгляд упал на стол, где лежали внутренности Лаймы.

Лицо молодого человека перекосилось, из горла у него вырвался булькающий звук, и Марек опрометью бросился прочь из комнаты.

– Хе, зрелище не для слабонервных, – заявил доктор. – Гарантирую, что ваш стажер сегодня есть ничего не будет.

– Где он? – отозвался инспектор. – Этот самый сутенер по имени Тихон?

Настал черед других полицейских переглянуться. Инспектор Крапах оправдывал свою репутацию – он часто появлялся на месте преступления, вырванный телефонным звонком из постели, и уже знал кое-что о деле. Как это ему удавалось, никто не понимал, и многие были уверены, что Крапах обладает паранормальными способностями, чего Фердинанд никогда и не оспаривал.

– В соседней квартире, – ответил полицейский. – Она, кстати, принадлежит Тихону. Он любезно согласился предоставить ее в наше временное распоряжение.

Крапах вышел в прихожую и, распахнув тонкую фанерную дверь ванной комнаты, увидел Марека, судорожно харкающего в грязный умывальник. Стажер был донельзя бледен и напуган.

– Умойся и следуй за мной, – коротко распорядился Крапах. – Ты сам желал побывать на месте преступления, причем как можно более кровавого. Но теперь я вижу, ты к этому не готов.

– Инспектор! – взмолился Марек. – Обещаю вам, что та-

кого больше не повторится. Я сам не знаю, что со мной происходит, мой желудок в полном порядке. Ой!

Он снова припал к умывальнику и закашлялся. Кранах хлопнул дверью. Реакцию мальчишки можно понять. Он и сам, когда лицезрел первый труп, грохнулся в обморок. Хорошо, что никто из свидетелей его позора не работает больше в полиции. Для всех он – флегматичный, лишенный эмоций чудо-инспектор Фердинанд Кранах.

Он прошествовал в соседнюю квартиру, которая мало чем отличалась от той, в которой было обнаружено тело Лаймы. Тихон, грузный субъект лет тридцати, бритоголовый, в кожаном пальто, с массой золотых перстней на коротких волосатых пальцах и толстенной цепью из желтого металла, завершающейся гигантским крестом, усыпанным камнями, сидел на продавленном диване с протертой обшивкой, из-под которой торчала желто-серая вата.

Увидев Кранаха, сутенер, застывший, словно в ступоре, вздрогнул – личность инспектора была ему очень хорошо знакома, как, впрочем, и его слава. Кранах во время полицейских операций застрелил трех убийц, а во время допросов подозреваемых особенно с ними не церемонился.

Пододвинув к себе стул и усевшись на него верхом, Кранах спросил:

– С какого собора ты его украл?

– Что? – просипел Тихон и потер похожие на разваренные пельмени уши. Его желтые кошачьи глаза не выражали ни-

чего, кроме страха. – Что?

– Твой крест, с какого собора ты его спер? – продолжал Кранах.

Сутенер машинально схватился за золотое украшение и, сглотив, по-глупому ответил:

– Я его не стырил, а купил, клянусь вам, инспектор, у старого еврея-ювелира купил, у меня даже чек имеется, все чин по чину!

Резко поднявшись, Кранах отшвырнул стул в сторону. Тот, ударившись о стену, затрещал. Тихон испуганно прижался бритым затылком к спинке дивана. Кранах навис над ним и медленно произнес, глядя в глаза задержанному:

– Ты был на месте преступления. Не сомневаюсь, что у тебя имелся повод убить Лайму. Она ведь тебя обманывала? За это ты ее и наказал, решив представить смерть проститутки как нападение маньяка.

– Нет, нет, инспектор! – затрясся Тихон. – Это не так, вы ошибаетесь! Она была одной из лучших моих работниц! И зачем мне руки марать, я бы просто ее выгнал на все четыре стороны...

Инспектор угрожающе молчал. Тихон, потев, заголосил:

– Я был в ресторане, вернулся – Лаймы нет. И девицы врут, я сразу просек. Сказали, что Лайма с клиентом, а я решил, что она к детишкам своим отправилась, она так пару раз делала. Я ее тогда проучил как следует... Ну в общем, поднялся я на этаж, чтобы проверить, может, она в самом де-

ле работает. Дверь была приоткрыта. Я захожу, а там, там...

Толстые губы Тихона затряслись, он едва не ревел. Раздалась мелодия «Турецкого марша» Моцарта. Тихон подскочил и вытащил из кармана кожаного пальто крошечный мобильный телефон. Кранах вырвал у него телефон и швырнул его в стену. Мелодия смолкла.

– Инспектор, я к этому не причастен, клянусь вам! – занял Тихон.

– Если так, то ты дашь своим девицам наставление рассказать мне все, что они знают. Если хотя бы одна из них что-то утаит или будет лгать, то заплатишься за это ты, – будничным, но от этого не менее угрожающим тоном произнес Кранах.

– Они все скажут, клянусь мамочкой, и если одна из стерв чего утаит, я сам ей по морде ботинком...

Кранах тряхнул Тихона за шиворот дорогого пальто и процедил:

– Я ужасно не люблю, когда меня перебивают, в особенности такие ничтожества, как ты. Ты позаботишься о детях Лаймы.

– Позабочусь, – с готовностью заявил Тихон. – Клянусь папой...

Фердинанд схватил его за мочку уха и потянул, сутенер взвыл, из глаз у него брызнули слезы.

– Вижу, что ты меня не понял, – продолжил инспектор. – Ты оплатишь дочери Лаймы, страдающей синдромом Дауна,

пробывание в лечебнице на десять лет вперед. А ее сын продолжит ходить в гимназию.

– Но, инспектор, это же бешеных деньжищ стоит, эта дрянь Лайма мне и сотой части их не заработала. Ой-ой-ой!

Ногти Кранаха впились в мочку его уха, и он вывернул ее так, что кожа побагровела и напряглась, грозясь лопнуть.

– Все оплачу, клянусь бабушкой! Ой, как больно, инспектор! Отпустите, Христом заклинаю! Я все оплачууууу!

Инспектор отпустил мочку, Тихон, хныча, как дошкольник, прижал к уху ладонь.

– Учти, я проверю, – заметил Кранах. – И если ты меня обманешь, то тебе каюк. Ты ведь знаешь, что я застрелил трех мерзавцев. Думаю, настало время застрелить четвертого. Скажем, ты нападешь на меня с ножом, мне придется применить служебное оружие. Я стреляю без промаха.

Тихон судорожно кивал головой и, поглаживая красное ухо, бормотал:

– Даю слово, господин инспектор, о детишках Лаймы позабочусь, вы будете довольны. Дедушкой клянусь!

В комнату, пошатываясь, вошел бледный Марек. Кранах отошел от дивана, ногой поддал лежавший у стенки мобильный телефон и сказал:

– Я не люблю дважды повторять, мне нужны показания твоих девиц! Живо!

Сутенер, неловко плюхнувшись на карачки, поднял мобильный телефон и, пятясь задом, кланяясь и стеная, выбе-

жал из квартиры.

– И как вам только удалось, инспектор? – в изумлении произнес Марек. – Такие, как этот Тихон, никогда не сотрудничают с полицией, мы для них хуже чумы. Видели бы, как он себя вел со мной! Нагло заявил, что его адвокат добьется моего увольнения и возбуждения уголовного дела за оскорбление словом и превышение служебных полномочий.

Потерев мочку уха, Крапах сухо ответил:

– У каждого имеется свое больное место, и Тихон не исключение. Мне оставалось только его нащупать. А теперь вперед. Нас ждут девушки.

Хмыкнув, Марек отправился следом за инспектором. Когда они вышли на улицу, то увидели преобразившегося Тихона, который гавкающим тоном отдавал распоряжения дюжине проституток, выстроившихся в ряд.

– Вы меня хорошо поняли, идиотки? Господин инспектор Крапах лично побеседует с вами, и та из вас, которая попытается обмануть его или скрыть что-то, будет потом иметь дело со мной!

Девицы, облаченные в мини-юбки, шубки из пестрого искусственного меха и ажурные колготки, откровенно скучали, слушая Тихона.

– Все понятно, дуры? Ну, кто желает быть первой?

– Ой, а инспектор-то симпатичный какой! – произнесла глуповатым тоном одна из девиц, высокая нескладная особа в оранжевой юбчонке.

Она подошла к Крануху и, проведя по его груди длинными накладными ногтями зеленого цвета с золотыми звездочками, пропела:

– Для вас, господин инспектор, я сделаю все! И даже за половину обычной цены!

Проститутки захохотали, Тихон в бешенстве толкнул путану и истерично заорал:

– Прекратить этот балаган!

Проститутка надула обведенные черной помадой губы и томно заметила:

– Милый, тебе обычно нравится, когда мы с клиентами любезны! И не волнуйся так, а то у тебя вон левое ухо все красное, как будто корова его жевала, не дай бог, удар апоплексический хватит, вот ведь потеря будет для нас, девоньки!

«Ночные бабочки» заулюлюкали, Тихон поднял тяжелую руку с широкой ладонью, намереваясь ударить проститутку, но инспектор Кранух велел:

– Пошел вон! Ты знаешь, чем тебе следует заняться, – обеспечить будущее детей Лаймы.

Тихон, сопя, ретировался. Проститутка, склонив голову, сказала:

– А вы, господин инспектор, рыцарь. Лайма была отличной подругой, спасибо, что заставили этого борова Тихона позаботиться о ее детишках. Мы с бабоньками вам все расскажем. Меня кличут Альбиной.

Внимание Альбины переключилось на стушевавшегося Марека. Потрепав молодого человека по щеке, она заметила:

– Смотрите, сестрички, ведь бледный был как смерть, а теперь порозовел. Ну что, солнышко, я не имею ничего против, если две такие карамельки, как вы с господином инспектором, займутся мной. И девочки тоже! Ну что, приступим прямо здесь?

Марек в самом деле залился краской, а инспектор Кранах заявил:

– Альбина, мне необходимо знать буквально все, что имело место прошлым вечером около одиннадцати часов. Важна любая деталь. Итак...

...Меньше чем через час инспектор и Марек были в курсе того, что произошло несколько часов назад: некий странный клиент, облаченный в черный плащ до пят и длиннополую шляпу, полностью скрывавшую его лицо, поднялся вместе с Лаймой в квартиру.

– И у него был странный саквояж, – припомнила одна из путан. – Я еще удивилась, что это он его с собой таскает? Такие обычно в фильмах старых показывают – ну, всякие доктора с подобными ходят или чинуши.

– Не заметили ли вы, когда этот тип вышел из дома? – спросил Кранах.

Одна из проституток видела, как этот субъект вышел из подъезда спустя минут сорок пять.

– Я подумала, что Лайма с ним управилась и решила чу-

ток отдохнуть. Вот мы и прикрыли ее от Тихона, когда он появился и стал орать, выясняя, где же она. Если бы мы знали, что бедняжка... что она давно мертва, и убил ее этот гад в плаще и с саквояжем!

Крапах отметил время, когда убийца ориентировочно покинул квартиру жертвы, – четверть первого.

– Не знаю, что с ним произошло, – вещала одна из девиц. – Мне не до него было. Ну, вышел мужик из подъезда, и что из этого? Не могу сказать, приехал ли он на автомобиле или нет...

– Пешком пришел, – добавила ее словоохотливая товарка, – как пить дать, этот душегуб пешком пришел! И так же исчез. И вообще, когда он вышел из подъезда, то остановился на секунду около фонарного столба. Я была на противоположной стороне, вон там, около кафе, моя территория. Мне писать до ужаса хотелось, а еще больше – курить. Вот я и смотрю – этот тип закуривает. Думала, подойти, что ли, к нему и сигаретку стрельнуть. Боже, он наверняка бы и меня прирезал, как опасную свидетельницу, сделай я это!

– Вы видели его лицо? – допытывался инспектор Крапах. – Все-таки убийца стоял под фонарным столбом и к тому же раскуривал сигарету.

Выяснилось, что ни одна из проституток не видела лица подозреваемого.

Инспектор Крапах, выжав всю информацию, какую только мог, распрощался с проститутками. Марек в большом вол-

нении произнес:

– Инспектор, и как вам только удалось узнать так много! Уверен, что, допрашивай девиц кто-нибудь другой, они никогда не рассказали бы всего!

Крахах, по всей видимости не разделявший беспочвенного энтузиазма своего юного помощника, мрачно ответил:

– Несмотря на то, что девицы много поведали, это не поможет нам напасть на след убийцы. Человек, облаченный в плащ и шляпу, лица которого никто не видел, с саквояжем – и что из этого? Наверняка это был маскарад для создания образа! Не исключено, что на одной из соседних улиц его ждал автомобиль, в котором он не спеша переоделся и, приняв совершенно иное обличие, покинул Ист-Энд. Этот субъект чрезвычайно умен, создается впечатление, что он великолепно разбирается как в методах работы полиции, так и в психологии маньяков.

– И что мы будем делать сейчас? – спросил Марек.

Молодой человек опустил глаза, увидев нескольких проституток, которые посылали ему воздушные поцелуи с другой стороны улицы.

Перехватив взгляд Марека, Фердинанд Крахах усмехнулся и заметил:

– У меня работы предостаточно, а вот тебе надо установить, видел ли кто-нибудь из обитателей на близлежащих улицах мужчину в черном плаще и шляпе, который садился в автомобиль и, возможно, переодевался. Не исключено, что

в этом бодрствующем ночью районе кто-то обратил на это внимание.

– Инспектор, я все узнаю! – с готовностью заявил Марек, воспрянув духом. – Вы можете на меня положиться, я...

– Я проверю, насколько добросовестно ты отнесся к моему заданию, – холодно прервал его инспектор. – Сейчас я вернусь в квартиру Лаймы, мне нужно осмотреть место убийства еще раз, а ты можешь отправляться и вести расспросы. Я присоединюсь к тебе через часок. И учти, Марек, если ты прошляпишь какую-либо малозаметную, но важную деталь, будешь три месяца работать в архиве. Ты меня понял?

Марек, трепетавший от подобного тона, пробормотал:

– Инспектор, уверяю вас, что справляюсь с вашим заданием на все сто! Я усвоил методы вашей работы, от меня ничего не ускользнет! Вам не придется краснеть за своего стажера! Это же первое мое дело, да еще такое сенсационное! Мы его поймаем!

Кражах внутренне усмехнулся: парнишка обещал со временем превратиться в хорошего сыщика – у него есть голова на плечах, умеет исполнить то, что приказывает начальник, а вот интуицией и смекалкой Создатель Марека не наградил, но инспектор знал – при расследовании преступлений, в особенности жестоких серийных убийств, главное – систематичность сбора улик и тщательный опрос возможных свидетелей. А в том, что стажер был добросовестным трудягой, спо-

способным провести в архиве или за компьютером пятнадцать часов подряд и методично сортировать карточки с отпечатками пальцев или изучать пыльные дела прошлых десятилетий, инспектор не сомневался.

Фердинанд развернулся, собираясь идти обратно в подъезд, но Марек воскликнул заговорщическим шепотом:

– Инспектор, разрешите всего один вопрос?

Кранах повернулся и исподлобья уставился на молодого стажера. Марек раньше боялся его взгляда, но потом понял, что сумрачный вид и вечное недовольство – не более чем часть имиджа легендарного детектива.

– Инспектор, – произнес он, и глаза Марек таинственно вспыхнули, – а вы верите, что за этими убийствами стоит Вулк? Ну, в смысле, оба Вулка? Ведь этот тип оставил надпись на стене, а сама техника убийств как две капли воды похожа на те, что совершали оба Вулка много лет назад. И что он сделал с сердцем и почками, которые забрал с собой? Неужели... съел?

Кранах ворчливо ответил:

– Ты хотел задать всего один вопрос, а вывалил на меня целый ворох!

– Ну инспектор! – умоляюще произнес Марек. – Мне очень важно знать ваше мнение, потому что... потому что вы – самый компетентный полицейский в Экаресте! Только вы сможете поймать этого безумца!

Фердинанд, помолчав, проронил:

– Не думаю, что человек, который нам противостоит, безумен в обыденном понимании. Конечно же, у него имеются нелады с восприятием действительности, ведь он убивает, причем так жестоко. Он хладнокровен, изобретателен и полон решимости. Убийства будут продолжаться – Вулк Сердцеяд убил восьмерых проституток, Вулк Климович лишил жизни как минимум тридцать три человека, а этот, если его не остановить, убьет и сотню!

Он на секунду запнулся и добавил:

– Оба Вулка мертвы, и в этом не приходится сомневаться. Тот, кто решил воскресить их к жизни, жаждет славы. Но не только ее. Я еще не понимаю логики убийцы, но рано или поздно проникну в его тайны!

Инспектор вдруг произнес:

– И будь осторожен, Марек! Сейчас в Ист-Энде полно полиции, и все же – будь осторожен!

– Инспектор, если вы думаете, что какой-то кровожадный маньяк, надумавший вернуться на место преступления в цивильном облики, испугается моих расспросов и решит при помощи скальпеля остановить меня навсегда, то уверяю вас: я сумею постоять за себя! – не без некоторого бахвальства ответил молодой стажер.

Он достал из внутреннего кармана куртки большой блокнот и ручку и зашагал по тротуару. Кранах увидел, как путаны загоготали, приветствуя Марека, и вошел в подъезд – его ждал повторный осмотр места убийства Лаймы Бареевой.

Рассеянные, хмурые лучи позднего ноябрьского рассвета ворвались через грязное окно квартирки жертвы, когда инспектор Кранах снова оказался на улице. Он услышал тонкое попискивание и вытащил увесистый мобильный телефон старой модели, который лежал в кармане плаща. Инспектор знал, что звонок связан с работой, – у него не было семьи, родителей, любимой, друзей и даже домашнего животного: всю свою энергию Фердинанд тратил на раскрытие убийств и поимку маньяков.

– Кранах, – лаконично отозвался он.

– Инспектор, произошло что-то невероятное! – раздался голос одного из его коллег из центрального полицейского управления. – Вам знакома Дана Драгомирович-Пуатье?

– Ее что, убили? – холодно произнес инспектор.

– Да нет, бог с вами! Эта самая Дана – ведущая одной глуповатой программы на радио, что-то вроде получаса болтологии со знаменитостями. Вчера в конце передачи ей позвонил некий субъект, уверявший, что он – живое воплощение Вулка Сердцеда и Климовича. А потом было совершено нападение на одну из гостей Даны – профессора Киру Компанеец...

– Кира Компанеец, – процедил инспектор. – Одна из тех, кто входил в команду психиатров профессора Норберта Штайна по установлению степени вменяемости Климовича двадцать лет назад.

– Вот ведь у вас память! – восхитился коллега. – Точно

говорят – если нужна деталь какого-то убийства, хотя бы и случившегося еще при королях, не в архив лезть следует или в компьютерную базу данных, а к вам надо обращаться!

Лесть оставила инспектора равнодушным. Он и так знал, что обладает феноменальной памятью и является лучшим детективом Экареста, и ему не требовалось подтверждение своих уникальных качеств из уст других.

– У меня мало времени, – заявил Кранах, давая собеседнику понять, что разговор затягивается. Тот заспешил с разъяснениями: – Кира Компанеец сейчас в больнице, она осталась жива, так как нападавший то ли передумал ее убивать, то ли его попросту спугнули. Но он оставил послание, из которого недвусмысленно следует, что он и есть реинкарнация обоих Вулков!

– Почему мне об этом не доложили своевременно? – надменно заметил инспектор.

Коллега поперхнулся и ответил:

– Не могу знать, видимо, это сочли дурной шуткой, мало ли психов, которые утверждают, что в них вселился дух знаменитого убийцы!

– Ваша задача – преподносить мне факты, а анализировать их уж мой удел, – грубо оборвал его Кранах. – Что еще? Ведь вы позвонили не ради этого?

– Нет, не ради этого, – обиженным тоном ответил полицейский, который зарекся более разговаривать с этим чудачком Кранахом. – Двадцать минут назад эта самая Дана Дра-

гомирович-Пуатье получила с ночной курьерской службой посылку, в которой находилось человеческое сердце!

Инспектор Кранах чуть изменившимся голосом, что было признаком большого волнения, произнес:

– Ее адрес!

Коллега продиктовал его и добавил:

– Бедняжка находится в шоковом состоянии, к ней прибыл наряд полиции. Когда о содержимом посылки стало известно у нас, а такие жуткие новости распространяются, как пожар в саванне, мы сразу поняли, что это может иметь непосредственное отношение к убийству, которое вы сейчас расследуете. Вот я вам и звоню, инспектор. Ведь у проститутки вырезали сердце?

Не поблагодарив звонившего и не утолив его праздного любопытства, Кранах молча нажал кнопку отбоя. Все эти дилетанты и зазнайки из управления, которые почитают себя компетентными специалистами, вызывали у него глухое раздражение. Если инспектор и слушал радио, то исключительно новости. И почему никто не доложил раньше о программе этой самой Даны?

– Инспектор! – раздался тенорок Марека. Молодой стажер спешил к своему шефу. – Мне удалось много чего узнать! Вы будете довольны!

– Нам надо навестить одну истеричную молодую бездельницу, – оборвал его Кранах. Он подошел к своей потрепанной «Тойоте» и добавил: – Ты едешь со мной. Кажется, наш

кровавый друг решил привлечь к себе внимание общественности. Нам пора!

* * *

Траян Бурмистров, золотое перо желтого листка «Королевский Сплетник», помешивал ложечкой кофе в полулитровом бокале, разговаривая по телефону, одновременно просматривая в компьютере сообщения, поступившие на его электронный адрес, и флиртуя с пышнотелой рыжеволосой Сонечкой, сидевшей за соседним столом. Подобно Гаю Юлию Цезарю, Бурмистров, родители которого, уверенные в блестящем будущем своего единственного чада (и, собственно, попавшие в «яблочко»: их отпрыск разъезжал на «БМВ» последней модели, обитал в шестикомнатной квартире и проводил отпуск на Карибах) и окрестившие его пышным именем другого римского императора – Траяна, умел выполнять семь дел одновременно. Иногда даже восемь или девять – чего требовал не только бешеный ритм жизни и кипучий темперамент самого Бурмистрова, но и желание в очередной раз доказать всем и вся, что он – самый лучший и самый удачливый журналист желтой прессы столицы, а соответственно, и всей страны.

– Ммм, да, конечно... Значит, расследование поручили Кранаху? Я и не сомневался, что этим делом займется спец

по маньякам Фердинандик. Что, наш Дюрер¹⁰ уже побывал на месте преступления? Проникнуть в квартиру не удалось? Ничего, у меня есть каналы в морге, сделаем шокирующие фото расчлененной жертвы там. Угу, сердце вырезали? А прочие органы были кучкой сложены на столе? Ух ты, класс, я бы такого не придумал! Наши читатели подобное любят! Фи...

Отхлебнув из ложечки кофе, Траян скривился. Как обычно, он переборщил с сахаром и положил все десять, а то и двенадцать ложечек с горкой. Бурмистров знал, что не должен потреблять лишние калории: ему было почти тридцать семь, и при росте сто восемьдесят три сантиметра он весил больше полутора центнеров. Впрочем, это не мешало Бурмистрову с потрясающей грациозностью просачиваться во все дыры и быть в курсе самых будоражающих скандалов, вынюхивать и блестяще подавать информацию сексуального характера о звездах кино и шоу-бизнеса и год за годом именоваться самым выдающимся журналистом желтой прессы. Последние два месяца Траян пытался похудеть, сокращая потребление жиров и углеводов до минимума и занимаясь изнурительным спортом три раза в неделю. Он сбросил девятнадцать килограммов, чем был крайне доволен. Единственное, от чего он не смог отказаться, – так это сладкий

¹⁰ Бурмистров иронизирует над фамилией инспектора. Альбрехт Дюрер (1471 – 1528) и сын и отец Кранахи: Лукас-старший (1472 – 1553) и Лукас-младший (1515 – 1586) – известные художники позднего Средневековья.

кофе, который, как был уверен Траян, стимулирует работу мозга и полет фантазии.

– Да это я не тебе «фи» сказал, – добавил Бурмистров. – Растворимый кофе просто отвратителен, я по старой привычке сыпанул в него слишком много сахара. Ну да, хudeю. Знаю, что подобраться к Крапаху невозможно. Он нашу братию не любит, а меня после серии статей о том колготочном душители просто люто ненавидит. Он бы сам меня придушил, если бы знал, что его за это освободят от ответственности.

Два с половиной года назад инспектор Крапах вел дело так называемого «колготочного душителя», который лишил жизни дюжину горничных в отелях Экареста. Траян, пользуясь незамысловатым способом добычи информации – подкупом (редакция на это денег не жалела) и разветвленной сетью доносчиков, выведал, что по инициативе Крапах в несколько отелей внедрены женщины-полицейские, которые должны были стать своего рода приманкой для маньяка.

Траян убедил главного редактора вынести эту историю на первую полосу, операция с треском провалилась, против «Королевского Сплетника» было возбуждено уголовное дело, однако все с лихвой окупилось значительным увеличением тиража и прибыли. Скандал достиг апогея, как и слава Бурмистрова, когда в течение одной ночи «колготочный убийца», прочитавший в таблоиде о предназначавшейся ему западне, убил всех четырех дам-полицейских в их собствен-

ных квартирах, затем он нарядил жертвы в парики и униформу горничных. Это был плевок в лицо инспектору Крапаху, его личное поражение, вызвавшее лавину негодования и насмешек. Маньяка вскоре поймали, и он не скрывал, что толчком к убийству четырех полицейских была статья в «Королевском Сплетнике».

Инспектор Крапах заявился в редакцию с табельным оружием и, приставив пистолет ко лбу Траяна, досчитал до трех и спустил курок. Оружие было заряжено холостыми патронами, выстрел оглушил журналиста – однако не ведавший этого Траян не сумел удержать под контролем мочевой пузырь. Против Крапах возбудили внутреннее расследование, закончившееся вынесением строгого выговора и запрета приближаться к Бурмистрову ближе чем на пятьдесят метров.

Журналист ненавидел инспектора в той же мере, что и инспектор его: Крапах регулярно уничижительно отзывался о Бурмистрове, в красках повествуя, как тот напрудил, сидя в кресле с пистолетом у черепа, а Траян стал организатором клеветнической кампании против Крапах и не упускал возможности опубликовать очередную гадость об инспекторе.

– Ого, к этому причастна наша Дана-герцогиня? Ты в этом уверен? Дюрер вместе с помощником подул к ней на квартиру? А что случилось, ее сегодня ночью тоже распотрошили? Нет, а жаль! Была бы отличная первая полоса – «Дана Драгомирович-Пуатье лишилась сердца, а также почек, печени, селезенки и прямой кишки». Боюсь только, что, если бы ма-

ньяк вскрыл ее черепушку, то был бы крайне разочарован – мозгов там и в помине нет. И что ему понадобилось у нашей потомственной аристократочки? Угу, к ее элитному домику приехал полчаса назад наряд полиции. Значит, без сирен и проблесковых маячков. Тогда это не так серьезно. Но, с другой стороны, Кранах никогда бы лично не пожаловал туда, где все в полном порядке. Ты уверен, что Даночка жива? А, ты сам ей звонил на мобильный и она тебе ответила испуганным голосом, что сейчас занята? Значит, крошка все же жива. Так что же понадобилось у нее нашему доблестному Фердинандику? Как только узнаешь – звони мне! Двойной гонорар, если за этим скрывается что-нибудь сенсационное. Даже если сенсации нет, я ее сделаю, так что звони в любом случае!

Положив трубку телефона и откинувшись на спинку кресла (того самого, орошенного когда-то естественными выделениями самого Траяна), Бурмистров зычно крикнул:

– Сонечка, деточка, подойди-ка на секундочку!

Сонечка подплыла по зову Траяна – она давно положила на него глаз и жалела, что он изводит себя диетами и тренингом, разрушая такую чудесную сдобную фигуру!

– Ты что мне приготовила, голуба? – промурлыкал Траян, пододвигая ей бокал с кофе. – Или хочешь, чтобы я заработал диабет?

– Но Траянчик, ты ведь раньше любил именно такой, очень сладкий, – попыталась оправдаться Соня.

Бурмистров потрепал ее по щеке и сказал:

– Сделай другой, с одной ложечкой сахарочку, и без горьки! Ну, поняла, овечка моя? Исполняй, да поживее!

Траян Бурмистров знал – стоит с людьми заговорить сюсюкающим голосом и фальшиво улыбнуться, они готовы душу ради тебя дьяволу заложить. Соня подхватила бокал и, уверенная, что Траян отвечает ей взаимностью, унеслась. Она не знала, что журналист за глаза именует ее «жирной коровой» и «тупой лахудрой».

Бурмистров потянулся, подскочил из кресла с неожиданной для человека его комплекции легкостью и элегантностью, сделал несколько поясных наклонов и, кряхтя, уселся обратно. Тренер сказал, что он не должен допускать застоя жидкости в организме и раз в два часа делать легкие упражнения. Траян был доволен – еще несколько месяцев мучений, и он достигнет желаемого веса в сотню килограммов!

В желудке журналиста заурчало, он подумал об огромных обжаренных тостах, покрытых толстым слоем сливочного масла с двумя... нет, тремя кусками ветчины. Увы, все это в прошлом, приходится питаться мерзкими клейкими мюсли, обезжиренными йогуртами и травянистыми овощами.

Траян дал себе зарок – когда он свалит инспектора Кранаха и этот напыщенный хлыщ с позором будет уволен из полиции, то закатит пир, которому позавидовал бы его знаменитый тезка – император Траян. Бурмистров знал – когда-нибудь (лучше поскорее) он добьется краха карьеры Кранаха,

причем посредством ужасного скандала!

Бурмистров никак не мог простить ему мгновений позора: еще бы, все сотрудники газеты видели его дрожащим, как студень, в кресле, с которого на ковролин капала его собственная моча! Издевательскую статью («Из чего сделаны журналисты – эксклюзивные подробности о минуте «мокрого» позора Траяна Бурмистрова!») опубликовали их конкуренты из «Экарестского Геральда».

Соня принесла бокал несладкого кофе. Траян застучал по клавиатуре, внося последнюю правку в статью о двенадцатилетней школьнице, родившей тройню от учителя физкультуры. Бурмистров прекрасно знал – интерес масс можно подстегивать и удерживать вовсе не политическими разоблачениями или заумными экономическими анализами и точно не интервью со знаменитостями, а сексом или кровью, а желательно и тем и другим.

Как гласили золотые буквы на доске из черного мрамора при входе в здание редакции, газета была основана в 1899 году. Сначала она выходила раз в неделю, а с 1919 года – каждый день. «Сплетник» полностью оправдывал свое название – он обмусоливал пикантные скандалы, новинки моды и, конечно же, секс и кровь. Вырваться в лидеры в начале двадцатых годов «Сплетнику» помогла серия гениальных статей о журналистском расследовании в деле Вулка Сердцеда. Маньяк, задетый публикациями, низводившими его до уровня городского сумасшедшего, вел с репортерами оживленную

переписку и присылал для доказательства своих слов органы, извлеченные им из тел некоторых жертв.

После оккупации Герцословакии силами вермахта и ее вступления в войну на стороне Германии «Сплетник», оппонировавший бредовым нацистским лозунгам, был в одночасье закрыт, а многие журналисты арестованы и отправлены в концлагеря. За крахом фашизма последовало возобновление выпуска «Королевского Сплетника», однако длилось это всего полтора года: затем к власти пришли коммунисты, которым не требовались секс и великосветская мода. Редакцию полностью перетрясли, буржуазное название «Королевский Сплетник» уступило место «Социалистической Герцословакии». В таком виде листок, повествовавший о рекордных урожаях, свинофермах и ударных стройках, просуществовал до начала девяностых, а после падения коммунистической диктатуры и приватизации газеты одним из нуворишей было принято решение о возвращении прежнего названия. Газета основательно пожелтела, что помогло ей занять лидирующие позиции на рынке развлекательных печатных изданий.

Траян Бурмистров, почитавший себя единственной звездой желтой прессы, пробежал глазами статью и остался доволен. Он был уверен, что и главный редактор одобрит подачу материала. Нужна откровенная фотография – аппетитная оголенная школьница с бантиком в объятиях старого лове-ласа с волосатой грудью и отвисшим животом (учитель физ-

культуры был вообще-то подтянутым и относительно молодым, но это к делу отношения не имеет). Завтра статья может презентоваться пиплу, который, как хорошо знал Траян, схавает абсолютно все. Бурмистров, как и все его коллеги, был циником и стремился только к двум вещам – увеличению тиража родной газеты и собственного гонорара. Причем второе для Траяна было намного важнее первого.

– Траянчик, для тебя корреспонденция! – томно выдохнула Соня.

Подойдя к его столу, она положила перед ним небольшой бумажный пакет. Журналист, снова разговаривавший по телефону, ущипнул даму за бочок, и та, взвизгнув и притворно негодуя, погрозила ему пальчиком.

– Ага, значит, Дана что-то получила курьерской доставкой? И ты связался с фирмой? Они не знают, что именно и от кого? Плохо работаешь! Предложи больше денег, а также бесплатное упоминание об их фирме в самых лестных тонах в моей статье на грядущей неделе. На такое они клюнут, пиар всем нужен. Выясни, кто и когда отдал пакет для Даны. Чао!

Положив трубку, Траян радостно потер руки. Он походил на толстого паука, сидящего в центре паутины, – ему не требовалось бегать туда-сюда с высунутым языком и судорожно собирать жареные факты: он наладил великолепную сеть информаторов, которые отлично знали свое дело. Его работа заключалась в том, чтобы в редакции или дома принимать звонки, СМС-сообщения или послания по Интернету, сум-

мировать их, отдавать приказания и снова ждать – и вскоре сенсация появлялась на жестком диске одного из трех его компьютеров.

Так было и в этот раз. Дана Драгомирович-Пуатье получила нечто по курьерской службе «Пегас» около семи утра, после чего к ее дому приехал наряд полиции, а вскоре пожаловал и инспектор Крапах собственной персоной. Значит, произошло что-то из ряда вон выходящее. Это связано с посылкой, журналистский инстинкт Траяна никогда не подводил. И он непременно узнает, что же было в пакете на имя Дачки-герцогини. Если делом занялся Крапах, Траян просто обязан заглянуть ему через плечо. Возможно, именно этот скандал поможет ему одержать победу над наглым полицейским! С каким бы удовольствием Траян написал в рекордно короткий срок передовицу «Крах Крапах: легендарный инспектор, осрамившись, уходит в отставку». Ух, он бы голову свою отдал за это!..

Траян в нетерпении разорвал желтоватую оберточную бумагу. Его глазам предстала небольшая пластмассовая коробка. К ее крышке был прикреплен конверт. Бурмистров открыл его и извлек лист бумаги, на котором косоватым почерком было нацарапано несколько строк.

«Это мой подарок «Королевскому Сплетнику». Я уже однажды присылал вам подобное, настало время повторить это вновь. Я вернулся! Смерть для меня не помеха! Навечно ваши в ужасных снах Вулк Сердцеед, он же Вулк Климович».

Журналист хмыкнул. Что за проделки сумасшедшего? Сердцеед в самом деле присылал в газету внутренности жертв, этим в «Сплетнике» гордились, в небольшом музее газеты выставлялись даже черно-белые фотографии страшных даров. А «Социалистическая Герцословакия» двадцать лет назад подробно и с пафосом освещала процесс над «выродком и монстром» Вулком Климовичем, приговоренным к смертной казни. Но какое ко всему этому отношение имеет анонимная посылка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.